

Генри Фильдинг
Политик из кофейни, или судья в ловушке

Фильдинг Генри
Политик из кофейни, или судья в ловушке

Генри Фильдинг
Политик из кофейни, или судья в ловушке
Перевод К. Чуковского и Т. Литвиновой
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Уорти.

Скуизем.

Миссис Скуизем.

Политик.

Хиларет.

Рембл.

Констант.

Сотмор.

Деббл.

Порер.

Куилл.

Стафф.

Миссис Стафф.

Изабелла.

Клорис.

Фейсфул.

Свидетели.

Стража и т. п.

Место действия - Лондон.

ПРОЛОГ

Еще в Элладе, древней школе муз,
Узнал Порок сатиры горькой вкус.
Свободен, чист и неподкупно строг,
Правдивый бард бичом хлестал Порок.
Пусть негодяй был властью облечен,
В комедии за все карался он,
И был казним общественным стыдом
Виновный пред общественным судом.
Но вскоре стал Порок сильнее всего,
Опасно стало раздражать его.
Могуществом оборонен от стрел,
Он нераздельно знатью овладел.
На сцене франт, скупец, ревнивец, мот,
Но знатный плут сюда не забредет.
Тут сильного не заклеят наш свист,
Боясь хлыста, поэт упрятал хлыст.
Но вот, опасных не страшась дорог,
Сегодня муза вновь казнит Порок.
Вернув перу законные права,
Она проникла в логовище льва.
Где сильный благо общества блюдет,

Он уваженье в гражданах найдет.
Но тот, кто им на пагубную часть
Употребил полученную власть,
Услышит здесь, как рукоплещет зал
Тому, кто подлость подлостью назвал.
Ханжа, развратник иль чиновный вор
Сердито скажут: "Ваша пьеса - вздор!"
Но тех, кто чист, развеселит она:
Безвинному сатира не страшна {*}.

{* Перевод В. Левика.}

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Гостиная в доме Политика. Стол, заваленный газетами. Кресла, стулья.

Хиларет, Клорис.

Хиларет. Безумная затея, Клорис, ей-богу! Отдаться во власть молодому мужчине! Да меня бросает в дрожь при одной мысли об этом!

Клорис. Поначалу-то оно, верно, страшновато; я и сама в день своей свадьбы уж как боялась! Ну, да к утру все как рукой сняло! Муж - что твое пугало: когда его узнаешь получше, куда и страх девался!

Хиларет. А что как муж окажется плохой?

Клорис. О, тогда и вы, сударыня, должны оказаться не лучше его. Коли он любовницу заведет, заводите и вы кавалера; а станет по кабакам шататься назовите себе полон дом гостей, да и гуляйте с ними вволю.

Хиларет. Хороши твои советы, нечего сказать!

Клорис. Плохи ли, хороши ли, не знаю, а только я сама держусь этих правил. Муж мой был негодяй, обчистил меня как липку и содержал любовницу у меня под носом. Ну да и я в долгу не осталась! По мне, сударыня, при таком муже непременно должно держать заместителя. Бывают же они у наших сановников, которые от важности сами и шагу ступить не могут!

Хиларет. Ну а если б ты была влюблена в своего мужа?

Клорис. А я и любила его, сударыня, покуда он того стоил; да ведь любовь - что твой огонь, без топлива гаснет.

Хиларет. Вот кому можно верить, так это моему Константу! По мне, если любишь, так уж верь своему избраннику, хотя бы и знала, что он тебе врет. Ах, Клорис, легче гору сдвинуть, чем женскую любовь...

Клорис. А гора-то, глядишь, на песке!

Хиларет. Любовь - всегда любовь, кого б мы ни любили! Подчас приписываешь своему милому такие достоинства, каких у него нет и в помине. Все мы, когда влюблены, глядим на предмет своей страсти как бы сквозь волшебный кристалл; и это радужное видение остается у нас в душе навсегда. Любовь - как вера в бога: не требует никаких доказательств.

Клорис. Насколько я могу судить о мужчинах, сударыня, - а опыт у меня, по чести сказать, немалый, - вы не могли избрать себе лучшего предмета страсти: капитан Константин обладает всеми качествами, о каких может мечтать женщина. Молод, статен, с лица красив, любезен, и такой, что уж никогда не изменит! К тому же, как мистер Каули * говорит, у него очень...

ЯВЛЕНИЕ 2

Политик, Хиларет, Клорис.

Политик. И пошли и пошли - тик-так, тик-так, как часы! Ну, что вы там замышляете, а? Известное дело, где две женщины, там и жди беды!

Клорис. Напротив того, сударь, я слыхала, что, коль женщина побудет с мужчиной, вот тогда-то и жди беды! Хотя, по-моему, мужчина и женщина самая подходящая пара!

Политик. Ты и дочери моей проповедуешь такую же мудрость?

Хиларет. Право, папенька, в том нет нужды, у меня у самой те же мысли.

Политик. Скажите! Ну да в этом деле я не дам тебе воли!

Хиларет (в сторону). Посмотрим!

Политик. Я думаю, у самого кардинала Флери * меньше забот, чем у меня с этой девчонкой! Один из древних мудрецов говорил, что легче управлять королевством, чем собой; я же скажу, что управлять женщиной труднее, чем двадцатью королевствами.

Хиларет. Право, папенька, было бы лучше, если б вы меньше заботились о кардиналах да королевствах и занялись бы своими делами. Ну что вам дался хотя бы этот Дон Карлос?* Уж не прочтите ли вы его себе в зятя?

Политик. Кого? Его? Да ни за какие королевства! Вот погоди, я тебе сейчас растолкую, что он за птица, этот Дон Карлос...

Хиларет. Ах, увольте! Ничевошеньки-то я не понимаю в вашей политике!

Политик. И напрасно. Ни один роман не принесет тебе столько пользы, сколько приносит газета. В одном газетном столбце заключено больше, чем в вашем "Великом Кире" *.

Хиларет. Больше небылиц, вы хотите сказать? Вы знаете, я всегда читаю великосветские новости в "Правительственной вечерней газете", остальное же и читать незачем.

Политик. Если хочешь быть осведомленной в политике, ты должна прочитывать все газеты - примерно сорок в день, а то и пятьдесят. По субботам же - все восемьдесят. Если бы ты следовала этой системе на протяжении года, ты разобралась бы в политике не хуже любого... любого завсегдагая нашей кофейни. Чем лезть в великосветские дамы, занялась бы ты лучше политикой!

Хиларет. С вашего позволения, папенька, лучше бы вы занимались ею поменьше!

Политик. До чего же ты заблуждаешься, дитя мое! Ну, да я вижу, какой-то дурак замутил тебе голову! Погоди, ты еще доживешь до того, что твой отец станет одним из величайших людей в Англии. Не я ли пророчил во время осады Гибралтара *, что не далее как через три года выяснится, чего нам ждать: мира или войны? Но нет, твой отец невежда, твой отец ничего не смыслит, зачем только он забросил свою торговлю, не так ли? Ну а что бы в таком случае случилось со всеми моими проектами, позвольте вас спросить? У меня двадцать различных планов, которые я готов представить в парламент. Они должны принести мне бессмертную славу, а моему отечеству неоценимые блага. Да знаешь ли ты, что я изобрел способ погасить весь наш государственный долг, не тратя при этом ни гроша?

Хиларет. И, верно, ни гроша не заработаете на этом.

Политик. Боже упаси! Но это даст мне такую славу, такой великий почет, какого я не уступил бы и за двадцать тысяч фунтов. Вот уж три года, как этот проект лежит у одного моего приятеля, члена палаты общин, и совсем недавно этот приятель заверил меня, что мой проект будет представлен в парламент в ближайшее время... не на этой сессии, однако...

Хиларет (в сторону). И не в этом столетии, боюсь.

Политик. А в чем, ты спросишь, состоит мой проект? Да просто-напросто в том, чтобы соорудить машину, которая проволокла бы наши корабли по суше на протяжении каких-нибудь ста миль. Таким образом мы могли бы вести торговлю с Ост-Индией * через Средиземное море.

Хиларет. Желаю вам успеха, сударь! Однако становится поздно. Покойной ночи, папенька! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Политик (один). Приготовления турок не дают мне покоя. Хотел бы я знать, каковы их намерения? Уж не собираются ли они выступить против самого императора? * Не иначе, как еще одной венгерской кампанией пахнет *. Дай-то бог, чтобы дальше не пошло!.. Уж если турецкие галеры проникнут в Проливы *, беды не оберешься. Могу только сказать, что не хотел бы дожить до этого дня.

ЯВЛЕНИЕ 4

Политик, Деббл.

Деббл. Беда, беда, сосед Политик! Все кончено! Мы пропали!

Политик. О боже, что случилось? Не новости ли из Турции?

Деббл. Прибыла депеша с известиями о смерти дофина *.

Политик. Час от часу не легче! Вот это удар! Мистер Деббл, я чрезвычайно обрадован вашим посещением! Мы должны потолковать об этом злополучном происшествии. Курите, не стесняйтесь... Только бы это не помешало Дон Карлосу закрепиться в Италии!

Деббл. Дай бог, чтоб помешало!

Политик. Что вы?

Деббл. Боюсь, как бы Дон Карлос не оказался более грозной силой, чем мы думаем.

Политик. Дон Карлос - грозная сила, мистер Деббл?

Деббл. Еще бы! Вот погодите, увидите!

Политик. Сударь, на мой взгляд - Дон Карлос совершеннейший нуль в европейской политике, и, позвольте вам заметить, турки внушают мне в тысячу раз больше тревоги, чем ваш Дон Карлос. Трудно сказать, что скрывается за их приготовлениями, - я знаю лишь одно, что я ничего не знаю.

Деббл. Незачем идти так далеко, когда опасность под носом. Наши дела на Западе так плохи, что на Восток нечего и глядеть. Чудовищная власть, которую со смертью дофина приобретает Дон Карлос...

Политик. Вы хотите сказать, чудовищная власть, которую приобретет император?

Деббл. Император - ха!

Политик. Дон Карлос - пф!

Оба неодобрительно покачивают головой.

Деббл. Позвольте задать вам один вопрос, мистер Политик: как велика, по-вашему, Тоскана?

Политик. Как велика, по-моему, Тоскана? Позвольте, позвольте... Тоскана, ну да... Вы спрашиваете, как велика Тоскана?.. Гм... Фейсфул, еще табаку! Как велика она, говорите вы?.. Полагаю, что она величиной с королевство французское... а то и побольше...

Деббл. Больше королевства французского?! С таким же успехом можно сравнить вот эту трубку с пушкой. Тоскана, сударь вы мой, всего лишь городишко! Впустить гарнизон в Тоскану... я хочу сказать - в город Тоскану...

Политик. Я докажу вам, что вы заблуждаетесь, сударь... Фейсфул, принеси-ка сюда карту Европы!

Деббл. Вот уж не думал я, что вы окажетесь таким профаном в географии, сударь!

Политик. Да уж, верно, я смыслю не меньше вашего или кого другого в этом предмете.

ЯВЛЕНИЕ 5

Политик, Деббл, Фейсфул.

Фейсфул. Сударь, сударь, ваша дочь бежала, и никто не знает куда!

Политик. Боюсь, сударь, как бы нам не пришлось жестоко поплатиться за ваше невежество в государственных вопросах!

Деббл. Пошлите же за картой, сударь!

Политик. Далась вам эта карта! Карта в моей голове, карта всего мира, сударь!

Фейсфул. Сударь, ваша дочь...

Деббл. Сударь, если ваша голова и впрямь карта, то по этой карте далеко не уедешь.

Политик. Сударь, я не решился бы в нашей кофейне назвать Тоскану городом, даже если б меня сделали ее королем!

Деббл. А я так не стал бы сравнивать Тоскану с Францией, даже если б меня за это провозгласили королем и Тосканы и Франции!

ЯВЛЕНИЕ 6

Политик, Деббл, Фейсфул, Порер.

Порер. Замечательные новости, джентльмены! Угроза миновала!

Политик. Еще кто-нибудь умер?

Порер. Напротив, получена депеша, в которой сообщается, что дофин пребывает в добром здравье.

Деббл. Поистине добрые вести!

Политик. Ваши сведения из достоверного источника?

Порер. Из самого наидостовернейшего - я только что из канцелярии министра!

Политик. Дражайший мистер Порер, вы самый желанный гость!.. Ваши вести делают меня счастливейшим из смертных...

Фейсфул. Сударь, как бы мои вести не превратили вас в несчастнейшего из них. Ваша дочь, сударь, мисс Хиларет, бежала из дому, и никто не знает куда!

Политик. Моя дочь бежала! Признаться, это и в самом деле несколько омрачает мое счастье. Но, потеряй я двадцать дочерей, радость от выздоровления дофина превзошла бы мою печаль! Все же я вынужден покинуть вас, джентльмены, и пойти расследовать это дело.

Деббл. Ничто не должно огорчать вас, сударь, после того, что мы с вами сейчас узнали... Ведь личные интересы всегда должны уступать интересам общественным.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ 7

Улица. Сотмор и Рембл.

Сотмор. Как? Ты хочешь нас покинуть и улизнуть к какой-нибудь дрянной девке? Чума их порази, они перепортили всех моих собутыльников! По их милости мне так часто приходится ложиться трезвым в четвертом часу утра, что, если бы даже все до одной женщины провалились в тартарары, я поднял бы бокал и сказал бы: "Счастливого пути!"

Рембл. А я пустился бы туда следом за ними. Прелестные созданья! Женщина! Какое слово! В нем музыка, волшебная сила! Марк Антоний хорошо распорядился своим добром, когда отдал весь мир за женщину *. Он приобрел сокровище за бесценок.

Сотмор. Что до меня, то я признал бы его сделку выгодной, если бы он взял не девчонку, а бочку доброго бордо.

Рембл. Вино должно служить лишь прологом к любви, оно обостряет радость предвкушения. Бутылка - лишь приступочка у ложа сладострастия. Невежда пьет вино лишь для того, чтоб напиться, а любовник - чтобы воспламенить свою страсть.

Сотмор. Ну, не досадно ли, что такой прекрасный напиток заставляют служить такому недостойному делу?

Рембл. Напротив, в этом самое благородное назначение виноградной лозы. И нет большей чести для Вакха, чем быть пажом при Венере.

Сотмор. Да не видать мне ничего, кроме несчастной маленькой пинты вина до скончания моих дней, если я когда-нибудь еще отправлюсь в кабак с человеком, который норовит улизнуть после первой же бутылки!.. Да я скорее запишусь в члены купеческого клуба, где все пьют наперстками, точно боятся, как бы вино не распалило их воображение прежде, чем они раскачают свои ленивые мозги беседой! Да лучше пить кофе с каким-нибудь политиканом, или чай со светской дамой, или кислый пунш с джентльменом из общества, чем служить точильным камнем сладострастия своих приятелей! И все ради того, чтоб какая-то дрянная потаскушка пожинала плоды моих трудов!

Рембл. Да ты рассвирепел словно женщина, у которой любовник в последний миг сплеховал.

Сотмор. А что же, мне впрямь так же худо, как ей.

Рембл. Друг мой, пойми: когда у мужчины начинает туманиться ум, вот тогда-то он и подходит для женского общества. Еще одна бутылка, и я бы не годился ни для какого общества.

Сотмор. И тебя унесли бы со славой! Порядочный человек не смеет покинуть кабак, как солдат не смеет бежать с поля сражения. А ваш брат, щеголь, только и думает, как бы уберечь себя и от войны и от вина ради прекрасных дам. Черт побери! Я презираю вас, как честный солдат презирает дезертира. И не удивляйтесь, сударь, если, завидя вас на улице, я перейду на другую сторону.

Рембл. Дражайший Силен *, смени гнев на милость! Я только пойду освежиться, - прогуляюсь немного и опять вернусь к тебе в кабачок. Бургундское будет моим девизом, и я буду сражаться под твоей командой, пока не лягу костью.

Сотмор. Теперь я вижу, что ты честный малый, и потому разрешаю тебе провозгласить тост в честь любой красотки. Мы будем пить ее здоровье, пока тебе не почудится, что ты ее обнимаешь. Для человека с пламенным воображеньем нет лучшей сводни, чем бутылка. Она приведет в твои объятия, кого ты захочешь - от самой чопорной жеманницы до самой отчаянной кокетки. Ты овладеешь ее прелестями, несмотря на все ее уловки. Куда там, - ее прелести возрастут так, что никакому искусству с ними не сравняться! А наутро, пресытившись наслаждением, ты спокойно проснешься в своей постели ни жены под боком, ни заботы о возможном потомстве.

Рембл. Однако!.. Ты нарисовал пресоблазнительную картину!

Сотмор. Все так и будет, мой милый, вот увидишь! Ты восторжествуешь над ее добродетелью, если она порядочная женщина, и вызовешь у нее краску стыда, если она уличная девка. Ну, я пойду за пополнениями. Смотри же, не задерживайся. (Поет "Наполняйте стаканы". Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Рембл (один).

Рембл. У этого малого, верно, душа сидит в глотке. Он только тогда доволен, когда глотает что-нибудь. А пьян он никогда не бывает; скорее бочка опьянеет от вина, чем он. Увы, я устроен не так! Чума возьми мою картонную башку! Только похоронишь вино в желудке, как его дух возносится тебе в голову. Впрочем, я сейчас в самом подходящем состоянии для интрижки. Кабы моя добрая звезда - а ее злая - привела сюда какую-нибудь красотку!.. Ба! Дьявол услышал мои молитвы!

ЯВЛЕНИЕ 9

Рембл, Хиларет.

Хиларет. Надо же было случиться такому несчастью! Потерять свою служанку в потасовке и не знать дороги к милому! Ну что мне делать?

Рембл. Ага, приключение!

Хиларет. Боже мой! Кто это? Кто вы такой, сударь?

Рембл. Кавалер, сударыня. Рыцарь, странствующий по свету в поисках приключений. Моя профессия - брать приступом вдов, лишать девушек чести, уменьшать число котов и увеличивать ряды рогоносцев.

Хиларет. Сударь искатель приключений, разрешите пожелать вам достойного успеха! (Порывается уйти.)

Рембл (преграждая ей дорогу). Позвольте, сударыня, я только отправился в путь, и вы - первое мое приключение.

Хиларет. Пустите меня, сударь, умоляю вас! Мне не о чем говорить с человеком вашей профессии.

Рембл. Однако вы не слишком любезны, сударыня! Если я не ошибаюсь, у нас с вами профессии родственные. Мы с вами - как священник с монашенкой, и сам бог велел нам держаться друг друга.

Хиларет. Я вас не понимаю, сударь!

Рембл. Послушайте, сударыня, я немножко знаком с уставом вашей почтенной обители. Очень может быть, что я даже знаком с вашей матерью-игуменьей. Хоть я еще и недели не пробыл на суше, а перезнакомился с ними со всеми, с целым десятком.

Хиларет. Вы нетрезвы, сударь, и, вероятно, не знаете, с кем имеете дело, поэтому я прощаю вам вашу дерзость.

Рембл (в сторону; свистит). Вот оно что! Дочь знатного вельможи! Так я ей и поверил!.. Послушай-ка, милая, что мне за дело до твоего положения? Мне все равно, как ездит твой отец: сидит ли он в карете, запряженной шестерней, или с вожжами на козлах. Я бывал равно счастлив и в объятиях жены какого-нибудь честного боцмана и на груди ближайшей

родственницы Великого Могола *.

Хиларет. Сударь, ваша наружность говорит о том, что вы порядочный человек, и я убеждена, что всему виной досадное недоразумение. Я понимаю, что несколько странно встретить порядочную женщину на улице в такой час...

Рембл (в сторону). Что странно то странно!

Хиларет. Я не сомневаюсь, что, когда вы узнаете, как я очутилась в подобном положении, вы сами захотите мне помочь. Нынешней ночью я убежала из родительского дома; я шла, чтобы вверить свою судьбу возлюбленному, меня сопровождала служанка. В это время на улице случилась драка; мы разбежались в испуге и потеряли друг дружку... Сударь, я полагаюсь на ваше великодушие, правда же, вы не захотите оставить женщину в беде? Вызовите меня, и вы можете рассчитывать не только на мою благодарность, но и на благодарность одного весьма достойного джентльмена.

Рембл. Покорнейший слуга достойнейшего джентльмена! Однако, сударыня, вы пришли слишком по сердцу мне самому, чтоб я стал вас беречь для другого. Если б вы оказались той, за кого я в первую минуту вас принял, я расстался бы с вами без особой печали. Но я увидел в ваших глазах аристократический герб, ваша светлость! (В сторону.) Пусть себе будет светлостью, если ей это нравится; легче дать титул, чем деньги.

Хиларет. Теперь вы ударились в другую крайность.

Рембл. Э, нет, сударыня! Судя по вашей выходке, вы должны быть либо знатной дамой, либо уличной женщиной! Жалкие добропорядочные твари, живущие с оглядкой на приличия, никогда не позволят себе такого благородного полета фантазии. Подобные полеты доступны лишь тем, кто привык парить над общественным мнением.

Хиларет (в сторону). Этот малый просто безумец!

Рембл. Так вот, моя милая! "Светлость" вы там или нет, не знаю, а распить со мной бутылочку в соседнем кабаке вам придется.

Хиларет (в сторону). Есть только один способ от него отвязаться.

Рембл. Идем же, мой ангел! О, какая нежная ручка!

Хиларет. Если бы знать, что мне удастся сохранить мою честь...

Рембл. О, на этот счет будьте совершенно покойны! Я готов заложить за нее что угодно (в сторону)... кроме моих часов.

Хиларет. А мое доброе имя?

Рембл. Об этом уж позаботится темная ноченька... (В сторону.) Честь! Имя! Вон как эти девушки научились петь за то время, что меня не было в Англии!

Хиларет. Но будете ли вы вечно любить меня?

Рембл. О, во веки веков, безусловно!

Хиларет. И вы обещаете?..

Рембл. Да, да, конечно!

Хиларет. И вы не будете грубы со мной?

Рембл. Что за вопрос! (В сторону.) А я то боялся, что она денег попросит!

Хиларет. В таком случае я, пожалуй, рискну. Вы идите вон в тот кабачок на углу, а я за вами.

Рембл. Помилуйте, сударыня, как можно! С вашего позволения, я за вами.

Хиларет. Я требую, чтоб вы шли впереди!

Рембл. Ну да, чтоб оставить меня в дураках! Вас, невидимому, смущает неприглядность моего одеяния. Клянусь вам, я честный моряк и не улизну, не расплатившись!

Хиларет. Я не понимаю, о чем вы говорите, сударь.

Рембл. Вот вам фунтик чаю - лучшего не сыскать во всей Индии. Это, я надеюсь, вы понимаете?

Хиларет. Сударь, я не беру подачек.

Рембл. Отказалась от чая! Право, вы начинаете мне по настоящему нравиться. Видно, что вы попали на улицу недавно. Однако довольно разговоров! Если вы такая знатная особа,

что вас непременно нужно носить на руках, извольте, я готов.

Хиларет. Сударь, вы становитесь дерзки!

Рембл. Вот что, перестаньте дразнить мою страсть! Поймите же, я только что сошел с корабля, я полгода не видел ничего, кроме облаков и мужчин, и вид женщины для меня так же мучительно-сладок, как появление солнца над Гренландией после полярной ночи. Я не из тех пресыщенных молодчиков, что способны лишь любоваться женщиной, как в театре. Я голоден, как зверь, и ты - моя перепелка. Чтоб мне не видеть ничего, кроме солонины, если я не проглочу тебя разом! (Обнимает ее.)

Хиларет. Я закричу караул!

Рембл. Неужто ты такая злюка? А впрочем, я привык к опасностям! Ну-с, моя Венерочка, соглашайся лучше добром, а не то я обойдусь без твоего согласия!

Хиларет. Караул, караул! Насилие!

Рембл. Не так громко, люди могут подумать, что это всерьез!

Хиларет. Насилие! Спасите!

ЯВЛЕНИЕ 10

Рембл, Хиларет, Стафф, стража.

Стафф. Вот он, хватайте его!

Рембл. Назад, негодяи!

Стафф. Э, сударь, это вам следовало бы идти на попятный. Вы обвиняете этого человека в совершении насилия над вами, сударыня?

Хиларет. Ах, я вне себя от страха!

Стафф. Дело ясное. Насилие налицо. Бес, что ли, в вас вселился, что вы вздумали заниматься этим на улице?

Хиларет. О боже! Мистер констебль, я прошу лишь о том, чтоб вы проводили меня домой!

Стафф. Не беспокойтесь, сударыня, мы не оставим вас без свидетелей.

Рембл. Ну нет, уж коли мне с этими господами суждено ночевать, я по крайней мере заручусь вашим обществом, сударыня! Констебль, я заявляю, что эта женщина пыталась меня обесчестить, в то время как я мирно прохаживался по улице. При этом она угрожала обвинить меня в насилии над ней.

Хиларет. О! Мерзавец!

Рембл. Да, да, сударыня, пусть ваш пример послужит уроком для других! Хороши наши законы, если трезвому человеку нет на улице проходу от женщин!

Хиларет. Ради бога, сударь, не верьте ему?

Стафф. К сожалению, сударыня, так как мы имеем всего лишь голословные заявления обеих сторон, мы не можем, решать, кто прав, кто виноват. Это выяснится к утру, после того, как мы наведем о вас справки. (К Хиларет.) Не огорчайтесь, милая, вы не останетесь без свидетелей.

Хиларет. Нужно же было свалиться такому несчастью на голову честной женщины!

Стафф. Если вы в самом деле честная женщина, этого джентльмена повесят за попытку лишить вас чести. Если же нет, вы будете биты кнутом за то, что обвинили этого джентльмена в похищении того, чего у вас нет и в помине.

Хиларет. Ах, всему виной мой испуг! Право, мистер констебль, я готова отказаться от своего обвинения, лишь бы вы отпустили меня!

Стафф. Подобная просьба, сударыня, - лишняя улика против вас.

Рембл. Шила в мешке не утаишь!

Стафф. Ведите их!

1-й стражник. А по-моему, она похожа на порядочную.

Рембл. Черт бы побрал всех порядочных женщин! С ними только свяжись как раз угодишь либо под венец, либо в петлю!

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Комната Скуизема; стол, чернильница, перо, бумага и т. д.

Скуизем и Куилл.

Скуизем. Так тетушка Билкем отказывается платить, говоришь?

Куилл. Так точно, сударь. "Я, говорит, гроша ломаного не дам за его покровительство, потому, говорит, на те деньги, что он у меня перебрал за три месяца, можно купить парочку присяжных на целый год".

Скуизем. Отлично, отлично! Я ей покажу, что и я умею обращаться с присяжными. Куилл, сделай памятку на деле сводни Билкем, чтоб заручиться присяжными из списка номер три, когда начнут разбирать ее дело. Там все надежные и верные люди, один к одному. Их не собьешь никакими уликами, они слушают только меня.

Куилл. Сударь, тут некто мистер Снеп, помощник пристава, арендовал дом и открыл торговлю. Он просит иметь его в виду, если где окажется свободное местечко присяжного.

Скуизем. Занеси его в список номер два. Там чуть не все-помощники пристава. Закон, слава богу, не запрещает этим мясникам...

Куилл. Закон, сударь, запрещает мясникам быть присяжными, но не запрещает присяжным быть мясниками.

Скуизем. Вот еще что, Куилл, - подыскивай кандидатов для списка номер один. На ближайшей сессии откроется много вакансий. Право, если мы не научимся ладить с присяжными в Олд Бейли *, у нас не останется присяжных для Хикс-холла *.

Куилл. Ваша правда, сударь. Этому списку как-то особенно не везет. На моей памяти уже дважды обновлялся весь состав - всех до одного перевешали!

Скуизем. Бедняги, что и говорить! Все мы под богом ходим, Куилл! Кто желает процветать на этом свете, не должен бояться, что его скоро отправят на тот. На гражданской ли ты службе, на военной ли - все равно рискуешь головой. Хочешь пробиться в люди - не пугайся скамьи подсудимых. Она для тебя то же самое, что для солдата поле битвы. Тут та же война. Там герой погибает от пули, здесь - от петли!

ЯВЛЕНИЕ 2

Куилл, Скуизем, Стафф.

Куилл. Пришел мистер Стафф, констебль по наблюдению за нравственностью!

Стафф. Дозвольте доложить, ваша милость: мы заглянули сегодня в игорный дом - в том переулке - и задержали шестерых. Двое предъявили нам бумагу с вашей подписью, и мы их отпустили.

Скуизем. Остальные кто?

Стафф. Офицер в отставке, помощник стряпчего и два молодых джентльмена из Темпля *.

Скуизем. Офицера и стряпчего можешь сейчас отпустить: с армейских да с судейских ничего не возьмешь - у тех нет денег, а эти "и за что не расстанутся со своим кошельком... А молодых джентльменов подержим.

Стафф. Не прогневайтесь, ваша милость, а только ведь они как-никак представители закона!.. Разумно ли, ваша милость, самим соваться льву в пасть?

Скуизем. Напрасные страхи! Эта молодежь так же похожа на адвокатов, как наше дворянское ополчение похоже на солдат. У тех мантии, у этих сабли, - а толк один. Что подобные джентльмены проживают свои состояния, я знаю, а вот чтобы наживали - не слыхивал.

Стафф. Ах, сударь, они ходят в кружевах, не хуже лордов!

Скуизем. Не бойся адвоката в кружевах. Кто начинает свою карьеру в кружевах, кончает ее в лохмотьях.

Стафф. Хорошо, сударь, я задержу их... Кроме того, мы подкрались к дому, о котором ваша милость сказывали, и уже с улицы услышали стук игральных костей; увидав, однако, у подъезда две кареты с гербами, мы предпочли не входить.

Скуизем. И правильно сделали. Закон - это дорожная застава, где пешему нет прохода,

а каретам - сделайте милость, пожалуйста! Законы подобны игре в "мушку": всякие нам короли, дамы всегда в безопасности, а червонные валеты самые надежные карты.

Стафф. Кроме того, нами задержан некто по обвинению в насилии над женщиной, сударь.

Скуизем. Что за птица?

Стафф. Да, по всему судя, крупная: говорит по-французски, поет по-итальянски, а ругается по-английски.

Скуизем. Богат?

Стафф. Не думаю; нам не удалось выжать из него ни фартинга *.

Скуизем. Значит, богат. Глубокие карманы подобны глубоким рекам, а деньги та же вода, - где помельче, там и текут быстрее.

Стафф. Да вот, ваша милость, у нас тут еще одно затруднение...

Скуизем. Что такое?

Стафф. Женщина отказывается присягать против него.

Скуизем. Ну, это не беда! Присягнет, в чем только нам будет угодно. Какого она звания?

Стафф. Да как будто из уличных, сударь.

Скуизем. Ну, если так, присягнет! Другое дело - порядочная женщина: как джентльмен не признается в том, что получил оплеуху, так и она - нипочем не признается, что подверглась насилию. А эта у нас скажет ровно столько, сколько нужно, чтобы припугнуть молодца и заставить его раскошелиться. Ведь тогда и ей перепадет кое-что. Поди приведи их сюда... Нет, постой! Я посылал тебе утром одного арестованного. Был ты в то время дома?

Стафф. Был, ваша милость.

Скуизем. Ну, и что он?

Стафф. Отчаянно ругается, сударь. "Меня, говорит, осудили, не предъявив никаких обвинений". Боюсь, сударь, что из него ничего не выжмешь.

Скуизем. Все же подержим его до обеда.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мистер и миссис Скуизем.

Миссис Скуизем. Мистер Скуизем, я бы попросила вас закончить все ваши грязные дела к двенадцати часам, не позднее! Мне надобно, чтобы с этого времени весь дом был в моем распоряжении.

Скуизем. Слушаю, милая! Будет исполнено. А вы в свою очередь не разрешите ли мне воспользоваться, этак через час, нашей каретой?

Миссис Скуизем. Мне самой она будет нужна.

Скуизем. В таком случае мне придется взять коляску.

Миссис Скуизем. Я еще не решила окончательно, поеду ли я в коляске, или в карете. Поэтому я не могу предоставить вам ни той, ни другой. К тому же по делам службы можно выезжать и в наемной колыхаге, - все равно ведь я не могла бы уступить вам лакея для выезда.

Скуизем. Хорошо, дорогая, отлично!.. Пусть будет по-вашему... Я об одном только хотел бы просить вас: нельзя ли нам сегодня пообедать часиком раньше?

Миссис Скуизем. Невозможно! Как раз сегодня наш обед запоздает на час. Мне до зарезу необходимо побывать на торгах: я приглядела там фарфоровую вазочку, не хотелось бы ее прозевать. Она должна обойтись мне в какие-нибудь сто гиней, не больше, хотя на самом-то деле ей цены нет. Кстати, мой милый, я рассчитываю взять эти деньги у вас.

Скуизем. Сто гиней за какую-то вазочку! Да пропади она пропадом, эта Ост-Индская компания! * Все золото, что мы выкачиваем из одной Индии, мы ухлопываем на глиняные безделушки, которые нам шлют из другой *.

Миссис Скуизем. Может быть, мне удастся еще и поторговаться. Однако никогда не мешает иметь при себе лишние деньги.

Скуизем. Послушайте, сударыня, я не желаю больше потакать вашей

расточительности!

Миссис Скуизем. Послушайте, сударь, я не прошу вас потакать моей расточительности!

Скуизем. И не просите, сударыня!

Миссис Скуизем. Вот как обстоит наше дело. Вы утверждаете, мой дорогой, что я мотовка; я отрицаю это. Как, по-вашему, кому поверят - мне или вам? Я, конечно, не говорю о Хикс-холле... Так вот знайте, дорогой мой: если вы еще когда-нибудь из-за такой мелочи позволите себе упрекать меня в мотовстве, я стану мстить. Я вас уничтожу, я выведу вас на чистую воду! Я разоблачу все ваши ночные проделки, расскажу, что вы оказываете покровительство притонам разврата, подкупаете присяжных, берете процент со стряпчих - словом, обнаружу всю цепь ваших мошеннических махинаций. Если вы не будете давать мне столько, сколько мне нужно, - я поспешу овдоветь, наконец!

Скуизем. Хорошо, моя, дорогая, на этот раз я вам уступлю. (К публике.) Доверьте свой кошелек вору или стряпчему, свое здоровье - врачу или шлюхе, но никогда не доверяйте своей тайны жене! Ей дай только кончик веревки, и уж будьте покойны - повесит!

ЯВЛЕНИЕ 4

Мистер и миссис Скуизем, Куилл, Стафф,
стражник, Рембл, Хиларет.

Стафф. Ваша милость, вот джентльмен, который вчера вечером совершил насилие над этой девицей.

Скуизем. Ай-яй-яй! Неужели насилие? Дитя мое, это над вами он совершил насилие?

Миссис Скуизем (в сторону). Послушать, что ли, и мне?

Хиларет. Сударь, мне не в чем обвинить этого джентльмена, и я прошу вас возвратить нам обоим свободу. Вчера он показался мне слишком развязным, и я обратилась к этим людям за помощью. Теперь же мы попали к ним в руки и не можем вырваться на волю.

Скуизем. Они только исполняют свой долг, сударыня. Их дело задерживать; освобождать - лишь в нашей власти.

Рембл. Сударь...

Скуизем. Я бы просил не перебивать меня! Послушайте, милая, если этот джентльмен поступил с вами дурно, неужели вы позволите вашей скромности встать на пути правосудия? Ведь тогда следующее преступление, которое он совершит, будет на вашей совести. Судя же по наружности этого молодчика, он способен совершить с десятков насилий в неделю.

Хиларет. Уверяю вас, сударь, он ни в чем не повинен.

Скуизем. Что вы имеете сказать по этому поводу, мистер Стафф?

Стафф. Ваша милость, я своими собственными глазами видел, как задержанный вел себя самым непристойным образом, и своими собственными ушами слышал, как эта женщина кричала, что он хочет ее погубить.

Скуизем. Нехорошо, мое дитя, нехорошо! Неужели вы не согласитесь присягнуть?

Хиларет. Ни за что на свете, сударь! Но я присягну кое в чем, касающемся вас, если вы не отпустите нас сию же минуту.

Скуизем. Никак не могу. Дело слишком уж явное. Если вы отказываетесь принести присягу сейчас, нам придется держать этого человека за решеткой, пока вы не согласитесь.

Стафф. Если она и откажется, то наших показаний будет довольно, чтоб засудить его.

Рембл. Это мне нравится, ей-богу! Да этот судья почище великого инквизитора! Послушайте, грозный сударь, чем я вам так насолил, почтеннейший, что вы готовы поставить эту даму к позорному столбу *, а меня вознести еще выше?

Скуизем. Вы только взгляните на эту физиономию, моя дорогая! Ведь на ней так и написано: "соблазнитель"! Сударь, на месте королевского судьи *, я бы повесил вас, не требуя никаких улик! Вот этикие-то молодчики и вбивают клин между мужем и женой, из-за них-то у нас и не переводятся такие слова, как "бастард", "рогоносец"...

Рембл. Ну, если к этому сводится все ваше обвинение - что ж, готов признать, что не терял времени даром. Однако я что-то не припомню, чтобы я когда наградил лично вас, сударь, этой почтенной кличкой, и мне совершенно непонятно, что могло так ожесточить вас

против меня? Считать вас противником подобных развлечений было бы так же нелепо, как считать католического священника врагом греха или врача - врагом болезней.

Миссис Скуизем. Куда как учтиво, сударь, в моем присутствии сулить моему мужу рога!

Рембл. Прошу прощения, сударыня! Я не знал, в чьем обществе я имею честь находиться. Не в моих правилах оскорблять даму, тем более такую, как вы, чьи исключительные достоинства требуют исключительного уважения.

Миссис Скуизем. Сударь, я не думала услышать грубость от джентльмена с такой наружностью и была готова приписать неудачное слово, вырвавшееся у вас, досадной случайности, а никак не желанию оскорбить меня.

Рембл. Сударыня, я не знаю, как благодарить вас за ваше лестное мнение обо мне. Позвольте вас уверить, что эти преследования, в злостной несправедливости которых вы, наверное, уже убедились, - ничто по сравнению с теми опасностями, которым я был бы готов подвергнуть себя за счастье знакомства с вами. Сударыня, я полагаю, что в ваших глазах я уже оправдан.

Миссис Скуизем. Сударь, я полагаю, что все это шутка. Признаюсь, я всегда была противницей насилия... тем более, что со многими женщинами можно обойтись без него.

Рембл (в сторону). Уж с тобой, я вижу, оно вовсе и не потребовалось бы!

Миссис Скуизем. Что же, душечка, у вас есть какие-нибудь улики против этого джентльмена?

Скуизем. Да вот женщина никак не решится предать его вину огласке. Все же я надеюсь кое-чего добиться от нее с глазу на глаз... Мистер констебль, уведите арестованного!

Миссис Скуизем. Нет, нет! По всему видно, что это порядочный человек, и я беру его на поруки, пока вы не подберете более веских улик... Сударь, я прошу вас отпить у меня чашку чаю! (Констеблю и другим.) Вы мне не понадобятся.

Рембл. Ваша любезность, сударыня, такова, что ради нее всякий пожелает нарушить закон!

ЯВЛЕНИЕ 5

Скуизем, Хиларет.

Скуизем. Дитя мое, послушайте: вам следует принести присягу, даже если вы не знаете точно, что именно произошло. Правосудие должно быть сурово. Для пользы общества лучше, чтобы пострадало десять невинных, чем чтобы один виновный ускользнул от правосудия. Поэтому долг всякого честного человека жертвовать своей совестью для общего блага.

Хиларет. Вы предлагаете мне быть лжесвидетельницей?

Скуизем. Боже упаси! Ни за что на свете! Лжесвидетельство, скажете тоже! Я не хуже вашего, знаю, чем это пахнет. Но вы сами признали, что он собирался применить к вам насилие. А тот, кто пытается нанести нам обиду, уже нанес ее в сердце своем. К тому же случается, что женщина - а со сколькими женщинами оно именно так и случилось! - не может толком разобраться, был ли совершен акт насилия, или его не было. И тем не менее сколько мужчин из-за этого попадало на виселицу!

Хиларет. Да вы, я вижу, настоящий казуист - что вам надо, то и выведете! Но не трудитесь дальше - это бесполезно, уверяю вас.

Скуизем. Я понимаю ваши колебания: вы боитесь испортить себе коммерцию... Вы думаете, что суровое обращение с клиентом отведит публику от вашего заведения... А что, душечка, давно вы промышляете своим ремеслом?

Хиларет. Что вы хотите сказать?

Скуизем. Ну, ну, я вижу, ты совсем зелененькая, этим-то ты мне и нравишься. Ваше дело ведь такое, что чем меньше опыта, тем лучше... А ведь ты премиленькая, право! Жаль, что ты так погрязла в грехе... Поцелуй же меня!.. Ну, не жеманься со мной! Клянусь, в тебе столько же прелести, сколько благоуханья в розе, а во мне столько любви, сколько на ее

стебле шипов! Ах, до чего же мне хочется, чтобы мы с тобой оказались так близки, как роза и стебель!..

Хиларет. Мистер Скуизем, да вы никак сами хотите прибегнуть к насилию!

Скуизем. Видишь ли, если б я мог надеяться на твое постоянство, я бы взял тебя на содержание. Давненько мне никто так не нравился.

Хиларет (в сторону). Что мне делать? Буду поддакивать старому плуту.

Скуизем. Ну, так как же? Обещаешь быть верной своему покровителю? Я мужчина еще не старь, в полном соку, здоровье у меня крепкое. Смотри-ка! Как ты думаешь, нельзя ли этой штукой откупиться от шайки бездельников, у которых нет за душой ничего, кроме щегольских нарядов? Карманы у них так же пусты, как головы, а сами они губительнее для женщины, чем бледная немочь. Тут уже не воображаемые болезни, а самые что ни на есть настоящие... Ты молчишь, ты согласна? Возьми же этот кошелек для начала.

Хиларет. А что я должна буду делать за это?

Скуизем. Ты? Да ничего! Действовать буду я. Я буду активной формой глагола, а ты - пассивной.

Хиларет. Лишь бы вы не оказались существительным среднего рода.

Скуизем. Эге! Да у тебя острый язычок! Ты и с грамматикой знакома, бесенок?

Хиларет. Немножко, сударь. Мой отец был сельским священником и позаботился о нашем образовании. Он сам обучал своих дочерей чтению и письму.

Скуизем. Так у тебя и сестренки есть?

Хиларет. Увы, сударь! Нас было у отца шестнадцать, и все пошли по этой дорожке.

Скуизем (в сторону). Учи дочерей грамоте после этого! Я бы скорей доверил меч сумасшедшему, чем перо женщине. Если меч в руках у безумца может обратить в пустыню шар земной, женщина, вооруженная пером, в два счета вновь его заселит... А что, душечка, верно в вашем роду сильна жилка сладострастья?

Хиларет. Ах, сударь! Всему виной этот противный военный корабль, который бросил якорь неподалеку от нашего жилища. Моих бедных сестер погубили офицеры, а я пала жертвой судового священника.

Скуизем. Знаю, знаю, дитя мое, против моряков да военных ни одна женщина не устоит. Одна Венера вышла из морской волны, а сколько их захлебнулось в ней! Ну да что Венера по сравнению с тобой, мой розанчик!

Хиларет. Сударь, остудите свой пыл!

Скуизем. Прикажи, чтоб трут не загорался от искры! От твоих пламенных глазок я загораюсь, как трут.

Хиларет (в сторону). Да ты и сух, как трут, мой милый!

Скуизем. Тсс! Жена! Идет сюда!.. Оставь моему писарю адрес, куда можно прислать за тобой. Я буду идеальным папашей, вот увидишь, - щедрым и преданным.

Хиларет. Поистине прелестные качества в любовнике!

Скуизем. Бутончик мой, ты увидишь, что я в тысячу раз лучше всех этих молодых сорванцов. К тому же со мной тебе будет спокойно. Девушка, которой покровительствует судья, может чувствовать себя не менее спокойно у нас в Англии, чем поп на чужбине. В любой стране степенный вид - наилучший покров для греха... Смотри же, не запоздай на свиданье, приходи минута в минуту.

Хиларет. Уж будьте покойны!

Скуизем. Адье, моя красоточка! Я сгораю от нетерпения.

ЯВЛЕНИЕ 6

Скуизем (один).

Скуизем. Прелесть что за девочка! Если мне удастся заполучить ее, да еще заставить этого шалопаю расплачиваться, я буду воистину премудрым судьей. Ибо надобно стараться, чтобы другие расплачивались не только за свои грехи, но и за наши. Наверное, моя жена уже порядком застращала его, и он готов на все, лишь бы его отпустили на волю. Надо отдать ей справедливость: умеет обработать человека! Любого обчистит - получше меня... Да вот и

они! С этим джентльменом, однако, надо повести разговор в ином духе.

ЯВЛЕНИЕ 7

Скуизем, миссис Скуизем, Рембл.

Рембл. Ну что, сударь? Дама намерена принести присягу?

Скуизем. Трудно сказать, каковы ее намерения. Она решила испросить совета у священника и адвоката.

Рембл. Плохо мое дело! Адвокат посоветует ей присягнуть, а поп не станет ему перечить.

Скуизем. Дело и впрямь щекотливое, и чем скорее мы его уладим, тем лучше. Ранние убытки лучше поздних. Лучше намочить одежду, чем промокнуть насквозь. Лучше бежать домой, чуть только начинает накрапывать дождик, чем ждать, когда разразится гроза. Короче говоря - выкладывайте двести фунтов, чтоб тут же и покончить, а то ведь неизвестно, как оно все обернется. Мне тяжело видеть джентльмена в такой беде. Мне также весьма прискорбно, что мы живем в такой корыстный, такой развращенный век. Подчас мне начинает казаться, что страшная кара готова обрушиться на нашу страну. Ведь мы грешнее Содомы и Гоморры *, и я боюсь, как бы нас не постигла судьба этих двух городов.

Рембл. Послушайте, судья! Я полагаю, что все эти поповские проповеди наказание, которому подвергают подсудимого после приговора. Но наказывать его заранее - не слишком ли жестоко?

Миссис Скуизем. Сударь, мистер Скуизем хлопочет о вашей же пользе. (В сторону.) Я надеюсь заработать себе ожерелье.

Скуизем. О чем же мне и хлопотать! Мои личные интересы тут ни при чем... Будь я на месте джентльмена, я поступил бы именно так, как я советую ему поступить.

Рембл. Ну, уж это едва ли, сударь! Будь вы на моем месте, у вас не было бы таких денег.

Скуизем. Вы шутите, конечно, сударь. Не может того быть, чтоб порядочный человек не имел при себе такой мелочи.

Рембл. Очень даже может быть, сударь. Я знаю уйму порядочных людей, у которых и трех медяков не наскребется. Тому, кто решил жить честно, нельзя не спознаться с нуждой.

Скуизем. Джентльмен - и нужда! Извините, сударь, это как-то не вяжется. Джентльмен без денег - все равно что ученый без знаний. Впрочем, мне некогда тут с вами прохлаждаться. Вы только тогда оцените хорошее обращение, когда познакомитесь с дурным. Сейчас еще можно все уладить за пустяковую сумму. Но может прийти время, когда и всего вашего состояния не хватит... В деле правосудия, как в хирургии, - час промедления может привести к роковым последствиям.

Рембл. Ладно, уговорили! Я принимаю ваш совет.

Скуизем. И вы не пожалеете об этом... Я уверен, вы поймете, что я ваш друг.

Рембл. Я это уже понял. И в доказательство обращаюсь к вам с просьбой, с какой обращаются только к самому близкому другу: не дадите ли вы мне эти деньги взаймы?

Скуизем. Увы, сударь, я не располагаю подобной суммой! К тому же, согласитесь, мне, представителю закона, как-то не совсем ловко давать обвиняемому деньги для того, чтобы он мог избежать правосудия. Увы, сударь, в жизни приходится думать о своей репутации и заботиться о ее чистоте до конца своих дней. Уже одно то, что я даю обвиняемому советы, есть некоторое нарушение полномочий судьи, а вы еще хотите, чтоб я ссужал его деньгами!

Миссис Скуизем. Как только такая мысль могла прийти вам в голову, сударь?

Рембл. От нужды, сударыня, что только не взбредет на ум! Мистер Скуизем был так добр, что убедил меня выложить деньги, но мои карманы оказались так жестоки, что убедили меня в невозможности воспользоваться его добротой.

Скуизем. Что ж, сударь? Если вы не богач, и у вас нет золота, чтобы платить за ваши прегрешения, вам придется расплачиваться за них, как бедняку, - страданиями!.. Эй, констебль!

ЯВЛЕНИЕ 8

Скуизем, миссис Скунзем, Рембл, Стафф, констебли.

Скуизем. Уведите арестованного! Держите его взаперти до дальнейших указаний. Если в течение двух часов вы одумаетесь, сударь, пошлите за мной; потом поздно будет.

Рембл. Послушайте, мистер судья, вы бы лучше отпустили меня подобру-поздорову, как велит закон. Только попробуйте его нарушить - вы увидите, что я умею мстить... Пусть меня повесят, если я лгу!

Скуизем. Повесить-то вас повесят. Вы и сами не подозреваете, сколько истины в ваших словах!

Рембл. Ах ты старый лиходей! Была бы моя воля, я бы так потрянул твои старые кости, что они, как труха, посыпались бы из твоей поганой дряхлой шкуры!

Скуизем. Я призываю вас всех в свидетели: мне было нанесено оскорбление при исполнении служебных обязанностей.

Рембл. Почтенный мистер констебль, ночной блюститель закона, уведите меня подальше от этого человека... Кажется, ночной судья несговорчивей дневного.

ЯВЛЕНИЕ 9

Скуизем и миссис Скуизем.

Скуизем. Боюсь, что из этого молодца так ничего и не выжмешь. Я думаю отпустить его.

Миссис Скуизем. Ни в коем случае! Я уверена, что у него есть деньги.

Скуизем. Я и сам так думаю. Но что поделаешь, если он не желает расстаться с ними? Не отнимать же силой! К сожалению, такого закона еще нет, который позволял бы судье грабить людей открыто.

Миссис Скуизем. Все же помаринуйте его еще.

Скуизем. Я могу задержать его до вечера. Если же он к тому времени не раскошелится, придется его отпустить. Та женщина наотрез отказалась дать присягу, я уже отпустил ее.

Миссис Скуизем. Я навещу его в доме констебля и попробую еще раз пугнуть его. Возможно, что мне удастся добиться большего, чем вы думаете.

Скуизем. Верно, верно, дорогая... Я не сомневаюсь в ваших способностях... До свиданья, душечка.

Миссис Скуизем. Не забудьте же сто гиней, мой милый!

Скуизем. Забыть их? Никогда!.. Идемте со мной, они у меня в столе.

ЯВЛЕНИЕ 10

Миссис Скуизем (одна).

Миссис Скуизем. Уж раз ты, любезный муженек, решил отправиться в ад, так я дам тебе в дорогу пару прелестных рогов, чтобы ты ничем не отличался от дьявола. Этот милый, милый дикарь должен быть моим во что бы то ни стало. И он будет моим! Он мне до того полюбился, что, если бы даже он обесчестил меня, клянусь честью, я бы простила его!

ЯВЛЕНИЕ 11

Комната в доме мистера Уорти.

Уорти и Политик.

Уорти. Мистер Политик, я от души огорчен, что нашему знакомству суждено возобновиться при таких обстоятельствах. Я могу представить себе чувства отца, хотя сам не имел счастья быть родителем.

Политик. Дорогой сосед, вы и вообразить не можете всех хлопот, связанных с этим счастьем, если не испытали его на себе. Брак разбивает все наши надежды - куда ни повернись. Искать утешения в детях столь же безрассудно, сколько ждать его от жены. У меня было двое детей, сударь. Сын уже давно повешен, а дочь того и гляди угодит на виселицу.

Уорти. При каких обстоятельствах покинула она ваш дом?

Политик. За полчаса до того, как я узнал о ее побеге, она простилась со мной на ночь. Я не сомневаюсь, что во всем повинен этот дьявол в юбке, именуемый служанкой: служанка исчезла вместе с моей дочерью.

Уорти. Не было ли у вашей дочери возлюбленного?

Политик. Дай бог памяти... Ну конечно! Теперь я припоминаю, что, невзирая на все мои запреты, она частенько беседовала с одним молодчиком в красном кафтане *.

Уорти. Это наверняка он и есть. Я могу, конечно, приказать, чтоб его арестовали, если вы знаете, как его зовут, но, боюсь, уже поздно.

Политик. Нет, сударь, не поздно: дочь моя - единственная наследница, а вы знаете, чем карается похищение богатых наследниц. Мне бы хоть повесить этого прощельгу - и то бы я был доволен.

Уорти. Без ее согласия это вам не удастся. Если они уже поженились, я бы на вашем месте последовал примеру одного императора, который, обнаружив, что между его дочерью и одним из его подданных существует незаконная связь, вместо того чтобы казнить любовника, благословил молодых.

Политик. А где царствовал этот император, сударь?

Уорти. Если не ошибаюсь, это был не то греческий император, не то турецкий.

Политик. Не говорите мне о турках, почтенный мистер Уорти! У меня не может быть ничего общего с ними. Я испытываю ужас и отвращение к туркам, сударь. Они нам еще дадут перцу, вот увидите!

Уорти. Позвольте, сударь...

Политик. Не позволю! Что значат все их военные приготовления, о которых ежедневно трубят наши газеты? Да, да, они все об этом пишут по сто раз на дню! С кем это собираются турки воевать? С Персией? Или с Германией? Или, вы думаете, они точат зуб на Италию? А что, как турецкие галеры появятся в нашем проливе? Они нападут на нас вдруг, когда мы будем меньше всего думать о них. Троя, когда ее взяли, была погружена в сон *. Так будет и с нами: мы дремлем, а между тем...

Уорти. Сударь, да вы сами спите или грезите наяву!

Политик. О, я знаю, все это принято называть бреднями... Самые мудрые пророчества называли пустыми бреднями... Позвольте лишь заметить, сударь, что зачастую люди, нападая на мнимое невежество других, только выдают этим свое собственное.

Уорти. Какое же отношение все это имеет к вашей дочери, сударь?

Политик. Ах, не говорите мне о моей дочери! Отечество мне дороже, чем тысяча дочерей. Что станется со всеми нашими дочерьми, если турки доберутся до нас? Да и с сыновьями нашими, женами нашими, нашими поместьями и очагами, с нашей религией и свободой? Когда турецкий ага * станет помыкать нашей знатью, а его янычары породнятся с британскими лордами - где, скажите мне, где искать нам нашу древнюю Британию?

Уорти. Да уж, верно, там, мистер Политик, где сейчас витаете вы сами, в облаках!

Политик. Позвольте, позвольте, я должен познакомить вас хоть в немногих словах с нынешним положением в Турции...

Уорти. Как-нибудь в другой раз, сударь! Если я могу быть полезным в том, что касается вашей дочери, пожалуйста, располагайте мной. Еще от ваших соотечественников я, пожалуй, могу оградить вас, но от турок... нет уж, увольте!

Политик. Вот видите, вы сами сознаете, что они представляют реальную опасность. Я рад, что предрассудки не застилают вам глаз, как некоторым из моих приятелей в кофеине. Но и вы, вероятно, недооцениваете опасности. Позвольте лишь объяснить вам, каким путем падишах мог бы проникнуть в Европу... Пусть вот это место, сударь, где я стою, будет Турцией... Тогда Венгрия будет вон там... так. Здесь - Франция, а здесь вот - Англия... Ну вот... Теперь предположим, что он покоряет Венгрию... Ему остается лишь захватить Францию, чтоб очутиться у наших берегов. Но это еще не все, сударь. Теперь я вам покажу, как он может подойти к нам морским путем...

Уорти. Нельзя ли отложить это до более удобного случая, дорогой мой? Я полностью удовлетворен вашими объяснениями, право.

Политик. Да мне и самому пора в кофейню... Дорогой мистер Уорти, ваш покорный слуга!

Уорти. Мистер Политик, ваш нижайший слуга!

ЯВЛЕНИЕ 12

Уорти (один).

Уорти. Насколько я помню, это увлечение политикой началось у него лет десять назад, когда мы были вместе на водах в Бате *. Однако как оно разрослось с тех пор; и какая же это, должно быть, всепоглощающая страсть, если он мог из-за нее позабыть потерю своей единственной дочери! Поистине, всяк по-своему с ума сходит! Дон Кихот отличался от других не тем, что был безумен, а лишь формой безумия. Завистник или мот, распутник, чернокнижник или просто политикан из кофейни - все они Дон Кихоты, каждый на свой лад.

Лишь про того скажу, что не безумец он, Ней разум страстью не был ослеплен.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Улица.

Хиларет и Клорис встречаются.

Хиларет. Ах, Клорис!

Клорис. Сударыня моя милая, вы ли это? И уцелели?

Хиларет. Цела, цела, благодарение небу! Я чуть не потеряла кое-что, да, слава богу, все при мне осталось.

Клорис. Кабы и впрямь оно так было!

Хиларет. Как? Ты мне не веришь?

Клорис. Ах, сударыня, я предпочла бы, чтоб вы могли не верить мне или чтоб я сама себе могла не верить. Наш бедный капитан Констант...

Хиларет. Что с ним?

Клорис. Ах, сударыня!

Хиларет. Говори же скорей, ты убиваешь меня!

Клорис. Он арестован за нападение на женщину!

Хиларет. Как?!

Клорис. Увы, сударыня, это сущая правда. Мне говорил собственный его слуга.

Хиларет. Это клевета! Это ложь! И ты повторяешь ее! Веди меня к нему, я разыщу его, где бы он ни был, хотя бы в темнице.

Клорис. Очень уж вы сердобольны, сударыня... Чтобы я стала навещать изменившего мне возлюбленного! Да скорей король придет в тюрьму навестить мятежника, как друга!

Хиларет. Неужели ты думаешь, что я так легко поверю вздорной клевете на того, кто явил мне столько доказательств своей любви, своей преданности? К тому же мое собственное приключение заставляет меня усомниться в достоверности ваших слухов... Но если это окажется правдой, я найду в себе силы вычеркнуть его из своей памяти навсегда.

Клорис. Боюсь, сударыня, как бы судья Скуизем не вычеркнул его из списка живых!

Хиларет. "Скуизем", ты говоришь? Дай-ка я тебя расцелую за это известие! Теперь-то я наверняка могу сказать, что мой Констант ни в чем не виноват. Вот погоди, я еще расскажу тебе о своем приключении! Но сейчас не до этого, веди же скорей к нему.

Клорис (в сторону). Бедняжка! Она и без меня знает дорогу к своей гибели. Ну, да спасать господ не нашего ума дело.

ЯВЛЕНИЕ 2

Комната в доме констебля.

Констант (один).

Констант. Я начинаю склоняться к мнению того мудреца, который сказал, что, если хочешь быть счастливым, не хлопочи о счастье других. В самом деле, добросердечие всего лишь пустое донкихотство, и всякая принцесса Микомикона заводит своего избавителя в клетку *. Зачем только я впутался в эту историю? Рисковать своим счастьем, своей репутацией из-за злключений какой-то незнакомой женщины!.. Но какова неблагодарность: обвинить меня в насилии меня, который вырвал ее из объятий насильника!

ЯВЛЕНИЕ 3

Констант и миссис Стафф.

Миссис Стафф. Чего изволит ваша милость, джину или пуншу?

Констант. Любезная сударыня, оставьте меня в покое, прошу вас. Я и думать не могу о вине.

Миссис Стафф. Но вы могли б подумать о нас! "Ах, оставьте меня"... такой клиент попадаете мне впервые. А еще капитан, а еще насильник!.. Да вы больше смахиваете на какого-нибудь голодранца стряпчего, уличенного в мелком подлоге, или на бродягу попа, укравшего подрясник да рясу.

Констант. Пейте, что вам вздумается, я заплачу, сколько вы скажете.

Миссис Стафф. Благодарю вас, ваша милость, спасибо! Ведь очень дорого приходится платить вот за эту квартирку, а уж после введения нового налога на вино дела пошли совсем из рук вон плохо. Я и то уж говорю муженьку: чем охотиться за разбойниками, не лучше ли самому пойти в разбойники!

Констант. Я думаю, сударыня, что многие жены дали бы своим мужьям точно такой же совет. И если бы мужья из любви к своим женам вняли ему, у палачей оказалось бы не меньше работы, чем у адвокатов по бракоразводным делам.

Миссис Стафф. Вот бы и хорошо! Наше дело ведь такое: пустует виселица и у нас затишье! Увы, любезный капитан, нынче у нас в десять раз меньше вашего брата против прошлых годов!.. Если не считать вашей милости, вот уже целых две недели к нам никого не приводили за насилие. Дай бог, чтоб у вашей милости оказалась легкая рука для почина.

ЯВЛЕНИЕ 4

Констант, Стафф, миссис Стафф.

Стафф. Капитан, ваш покорный слуга! Вы, верно, будете рады обществу... Сейчас к вам присоединится еще один джентльмен, прелюбезнейший малый, смею вас заверить.

Миссис Стафф. Джентльмены так и сыплются! Вот удача!

Констант. Что до меня, я предпочел бы одиночество.

Стафф. У меня всего одно помещение для арестованных, капитан, к тому же, смею вас уверить, это не какой-нибудь мужлан неотесанный, а чистой воды джентльмен... тоже в чине капитана... А уж веселый какой!..

Констант. Что привело его сюда?

Стафф. Насилье, капитан, насилье - джентльменский проступок! Я бы не осмелился ввести в общество вашей милости кого-нибудь из низшего сословия. Но насилие и убийство - такие дела, которых нечего стыдиться джентльмену. Он ваш собрат: тоже напал на какую-то девку. Я и сам грешил в свое время, пока не женился. В браке мужчина тяжелеет, тускнеет... И ваша милость отстанет от этого дела, когда женитесь, вот увидите... Женатый не станет бросаться на женщину, как не станет снова убийцею тот, кого отпустили на поруки.

Миссис Стафф. Мой муж большой шутник, вы уж его извините, ваша милость.

Стафф. А вот и джентльмен, о котором я говорил!

ЯВЛЕНИЕ 5

Констант, Рембл, Стафф, миссис Стафф.

Констант. Что за чудо!

Рембл. Констант, дорогой мой!

Констант. Какой ветер пригнал тебя к берегам Англии?

Рембл. Какой дьявол занес тебя сюда, к констеблю?

Констант. Насилие, сударь, насилие! Джентльменский проступок, как говорит мистер констебль.

Рембл. Ты шутишь, конечно?

Стафф. Нет, сударь, даю вам. слово, капитан не шутит.

Рембл. Вот уж не думал! Я бы скорей заподозрил пэра Англии или самого архиепископа, чем тебя! Ну да, видно, благонравие всегда неразлучно с лицемерием... Руку, товарищ! Наши судьбы во всем одинаковы!

Стафф (в сторону). Да и кончите вы одинаково! Им, видно, не впервой встречаться в этом деле. Ходоки по женской части оба!

Миссис Стафф. Не угодно ли, судари, пуншику? Это придаст вам бодрости, brave капитаны.

Стафф. Не навязывай джентльменам угощения, жена. Я всей душой желаю вам выкарабкаться из этой истории. А куда вы здесь, весь мой дом к вашим услугам. Позвольте лишь сказать вам, что чем больше вы будете пить, тем меньше у вас будет времени оплакивать ваши несчастья.

Рембл. Истинно философский взгляд на вещи.

ЯВЛЕНИЕ 6

Констант и Рембл.

Рембл. Милый Билл, скажи мне правду: ты ведь на самом-то деле не совершил никакого насилия?

Констант. О чем я от души жалею. Я спас какую-то женщину на улице, а в благодарность она присягнула, что я пытался ее обесчестить. Но я так рад нашей встрече, что готов позабыть все невзгоды!

Рембл. Узнаю твою великодушие, твоё доброе сердце!

Констант. Слов нет, если бы мы встретились с тобою не здесь, наша встреча была бы много радостней. Зная твою разгульную жизнь, я думаю, что тебе будет, труднее, чем мне, выпутаться из этого дела.

Рембл. Как я выпутаюсь, я, конечно, не ведаю, да и не задумываюсь об этом. Однако уверяю тебя, что я невиннее грудного младенца. Мое дело отличается от твоего только тем, что моя мнимая жертва не стала присягать против меня.

Констант. Рад это слышать... Но что, скажи мне, заставило тебя покинуть Индию? Я думал, ты поселился там до конца своей жизни.

Рембл. Что? Да то же, что погнало меня в Индию и ради чего я вернулся, то - чем я дышу, ради чего я живу: женщина!

Констант. Женщина?

Рембл. Да, женщина - молодая, красивая, богатая! Вдова, у которой в кармане восемьдесят тысяч фунтов, - вот полярная звезда, на которую следует держать курс.

Констант. Как же она зовется?

Рембл. Да так и зовется: миссис Рембл.

Констант. Так ты женат?

Рембл. Да, сударь. Вскоре после того, как ты покинул Индию, добрейший мистер Ингот покинул сей бранный мир, оставив мне в наследство свою жену и ее капиталы.

Констант. Поздравляю же тебя, дорогой Джек! Твое счастье наполняет мое сердце такой радостью, что в нем не осталось места для моих собственных невзгод.

Рембл. Погоди, я тебе еще не все рассказал...

Сотмор (за сценой). Сварите пунш, да не жалейте рома, и пусть он будет горячим, как ад!

Рембл. Слышишь? Нам, кажется, предстоит теплая компания.

ЯВЛЕНИЕ 7

Констант, Рембл, Сотмор, Стафф.

Сотмор. Вот они где, эти любители женского пола! Что же вы приуныли? Рембл, да ты никак молчишь - ни словечка во славу женщины! А какую выгодную сделку заключил Марк Антоний, отдав мир за женщину, не правда ли? Черт побери! Живи он сейчас - ставлю полдюжины бочонков бордосского! - он тоже болтался бы за насилие на виселице вместе с моими дорогими друзьями!

Рембл. Еще одно слово хулы на женщину, и мы тебе перережем глотку и подарим судье еще одно уголовное дельце!

Сотмор. Не ругать женщин? Уж лучше прикажите мне никогда не прикасаться к бутылке! Да заодно зашейте мне рот, чтоб я не пил вина и не ругал ваших дам. Эй,

там, - готовьте пунш поскорей!

Стафф. Сию минуту, ваша милость! (В сторону.) Такой клиент для нас находка, жаль, что и он не привлечен за насилие.

ЯВЛЕНИЕ 8

Констант, Рембл, Сотмор.

Констант. Сотмор, вы не должны ругать женщин в присутствии Рембла: он ведь женатый человек.

Рембл. И что лучше всего - моя жена покоится на дне морском.

Сотмор. И что хуже всего - все ее приданое там же!

Констант. Как?

Рембл. В том-то и дело! Впервые в жизни Сотмор не соврал... Шутки шутками, а мадам пропала со всем своим богатством. Она отправилась на тот свет, и с нею восемьдесят тысяч! Если подобные вещи практикуются на том свете, ей было нетрудно с таким капиталом сыскать себе нового мужа.

Сотмор. Эх, не послушал ты меня! Говорил я тебе: где женщина - там пиши пропало! Если бы я занимался страхованием имущества - давай мне двойную цену, я и то не стану страховать тот корабль, на котором находится женщина... У одной-единственной женщины столько грехов, что господь из-за нее может погубить целый флот.

Рембл. Смотрите, как он любит это слово "грех", не менее любого ханжи!.. Не тебе бы произносить это слово!.. Сам-то ты хорош! Твоими грехами можно нагрузить целый караван кораблей! Зачем твоя поганая пасть извергает хулу на других, когда все твои трюмы набиты до самого верха грехами?

Констант. Как случилось, что вы с ней расстались?

Рембл. В этом повинны шторм на море и моя злосчастная звезда. Я покинул корабль, на котором находилась супруга, так как меня пригласил на обед капитан другого судна из нашей флотилии. В это время поднялся внезапный шторм, я потерял из виду ее корабль, и с тех пор о ней ни слуху ни духу.

Сотмор. От души желаю тебе, чтобы ты не слышал о ней до конца твоей жизни!.. Однако мне жаль ни в чем не повинных сундучков, что пошли ко дну вместе с ней. Ну да у моря губа не дура: женщину оно, возможно, и выплеснет, а уж денежек ни за что не отдаст. Женщина ведь всплывает, как пробка, да и цена ей такая же! Хотя не скажи: пробка еще годится на то, чтобы сохранять вино от порчи, а женщина только портит его.

Констант. У тебя, Сотмор, нет другого мерила, чем вино. Оно для тебя что золото для барышника: как он готов продать свою душу за гинею, так и ты готов свою продать за бутылку.

Сотмор. Всякое благо, сударь, можно сравнить с вином, и всякое зло - с женщиной.

Констант. Стыдись, Сотмор! Твои нападки на женщин так же неприличны в обществе порядочных людей, как хула на господина бога в присутствии пастора.

Рембл. Браво, Констант! Женщины - моя религия, и я их верховный жрец.

Сотмор. Женщины и религия! Уж лучше скажите: женщины и дьявол! У них манера одна: завлечь поклонника, да и бросить его потом.

Констант. А что, Рембл, наш приятель того и гляди станет попом...

Рембл. Этого можно было ожидать от него, если б он не был пьянчужкой.

Сотмор. Ну что ж, я свято верю, что это тебя бог наказал за то, что ты нарушил свое слово... Не говорил ли я тогда, что тебя подцепит какая-нибудь уличная тварь? Теперь ты видишь: мое пророчество сбылось.

Рембл. Твоя правда. Мало того, что она шлюха, она принадлежит к самой наглой породе этих женщин: скромная шлюха.

Сотмор. Скромная шлюха! Так надо ее выдать замуж за скромного стряпчего.

Рембл. И отправить их обоих на каторгу, чтобы они там плодились и размножались.

Сотмор. Да, да, скромностью прикрываются не только дурнушки, но и самые распутные девки. Ни скромность, ни знатность в наш век не являются признаком

добродетели, так же как не всякий, кто ходит в шелках, - дворянин.

Рембл. И все же, к чести ее будь сказано, она отказалась дать ложную присягу, несмотря на все уговоры судьи.

Сотмор. Вон как, потаскушка-то с совестью! Она припасает тебя на другой случай. Дай-то бог, чтобы ты дожил до другого случая. Уж если на этот раз тебя не вздернут, она тебя обчистит, будь покоен! И потому, как твой друг, желаю ей удачи.

Рембл. Послушай, душа моя, как это тебе удалось разыскать нас? Вот уж за кем я не стал бы посылать в такой беде! Не пошлет же мальчишка, застигнутый в чужом саду с полными карманами яблок, за своим школьным учителем?

Сотмор. Да мне и не пришлось тебя разыскивать. В городе только и разговору, что о тебе... Нет ни одного мужа, ни одного отца, который сегодня не напился бы на радостях. Если только твоя приятельница не глуха к звону золота, ее подкупят, чтобы она принесла присягу против тебя. Вы сидите в печенках у всех, сударь! И шести дней не пробыл тут, ей-богу, а на его счету уже шестнадцать женщин!

Рембл. А ты за это время проглотил столько же бочек вина! Поверь мне, мои наслаждения поблагородней твоих!

Сотмор. Сударь, я плачу за свое вино и оттого никому не причиняю убытков.

Рембл. А я, сударь, никому не причиняю убытков, и оттого мне не за что платить.

Сотмор. Ого-го! А по-твоему, ты не наносишь человеку убытка, если ты похищаешь его жену или дочь?

Рембл. Какой же это убыток, если жене опостылел муж, а дочь только и мечтает, что о муже?

Констант. Ты бы постыдился попрекать человека его грехами, когда он и так страдает за них.

Сотмор. А это самое время попрекать его, сударь. Да он, как вы видите, не очень-то к сердцу принимает мои упреки. У него стыда не больше, чем у тех молодчиков, что продают свои показания всем, кто в них нуждается, - иной раз приходится и у позорного столба постоять, велика важность!

Рембл. Оставь его, сейчас внесут пунш, и тогда ему будет самому некогда брюзжать.

Сотмор. Помилуй! Человек оставляет своего лучшего друга беспечным и счастливым, а наутро находит его на краю гибели, готовым ввергнуться в геенну огненную! Как же не брюзжать после этого? Где эта девка? Я отомщу ей, а заодно и всем женщинам в мире! Коли тебя повесят за насилие, пусть меня вздернут за убийство. Какая она из себя, эта дрянная девчонка? Долговязая или коротышка, белобрысая или чернявая? Какое обличие принял дьявол на этот раз?

Рембл. Ах, очень соблазнительное, уверяю тебя! Она божественно сложена, чудо как деликатна. А глазки такие, что ни одному любовнику не снились! Прелестнейший ротик, губки пунцовые, как вишня... А грудь! Что снег, мрамор, лилия, алебастр, слоновая кость в сравнении с ее белизной! Форма же такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать: маленькая, упругая, круглая... Эх, Сотмор, за счастье покоиться на этой груди я бы принял миллион смертей!

Сотмор. Что миллион! Когда тебе и так грозит одна!

Констант. Неужто все эти восторги посвящены уличной девке, Рембл?

Сотмор. Да ему была бы юбка! Ему все равно - порядочная ли женщина или шлюха, высокого ли она звания или низкого, живет ли она на чердаке или в подвале, в Сент-Джемсе * или в публичном доме где-нибудь на окраине. Дай ему любую женщину, и он сделает из нее ангела... Он их обожает, как дитя картинки, как обжора еду! Ведь для дитяти что ни картинка - Венера, а для обжоры что ни блюдо - перепелка!

Рембл. Давай, Сотмор, будем так говорить: ты согласишься, что она хороша, а я сделаю тебе уступку и признаю, что она просто-напросто дрянная уличная...

ЯВЛЕНИЕ 9

Констант, Рембл, Сотмор, Хиларет.

Рембл. Легка на помине, клянусь Юпитером! Ну, так как же, мой милый неприятель? Что вам там посоветовали священник и стряпчий?.. Вы решились принести присягу?.. Ба!

Хиларет (не обращая внимания на Рембла, подбегает к Константу). Констант! Родной мой!

Рембл. Ого! Неужто нас обоих сюда посадили за одну и ту же?.. Однако, надо полагать, он преуспел больше моего... Как она нежна с ним!

Констант. Хиларет!. Твое великодушие повергает меня в еще большее отчаяние. И ты не отвернулась от человека, обвиненного в такой низости?

Хиларет. Я и мысли не допускаю о справедливости этого обвинения.

Рембл (в сторону). Черт возьми! Да это никак и есть возлюбленная Константа! Ну, теперь пойдет кутерьма!

Сотмор (Ремблу). Это и есть та дама, что оказала вам известную услугу, сударь?

Рембл. Что вы?! Это ведь порядочная женщина. Должен признаться, однако, сходство поразительное...

Сотмор. Тогда это, верно, та самая, за чье здоровье Констант пил последние полгода... его почтенная невеста, чума ее возьми!.. Самое подходящее общество для мужчины, арестованного за насилие!

Хиларет. Вы, верно, попали в ту самую потасовку на Лестерфильде, которая разлучила меня с моей служанкой?

Констант. Да, да, там и произошло это досадное недоразумение. Как раз когда я направлялся на свидание с вами.

Хиларет. Со мной тоже чуть было не приключилась беда, и я должна благодарить этого джентльмена за свое избавление.

Рембл. Сударыня, я ваш покорнейший слуга. Так это были вы?

Констант. Так это тебе, дорогой друг, я обязан всем своим счастьем?.. Чем я отблагодарю тебя за такую услугу?

Рембл. Ну что за пустяки, право! Твоя дружба - моя лучшая награда.

Констант. Я твой должник навеки... Самая ничтожная услуга, оказанная этой даме, для меня больше, чем вся вселенная!

Рембл (в сторону). Я был готов и не на такую услугу, если б она приняла ее.

Хиларет. Я рада узнать, что мой избавитель оказался другом мистера Константа.

Сотмор (в сторону). Радуйся, радуйся! Ты бы еще не так обрадовалась, если б послушала, как он тебя тут расписывал!

Констант. Расскажите же мне все по порядку, моя дорогая Хиларет! Я никогда не устану слушать рассказы о благородстве моего друга.

Хиларет. Хорошо же, слушайте...

Рембл. Сударыня, вы тогда были вне себя от страха и вряд ли в состоянии изложить все это дело достаточно связно. Позвольте поэтому мне рассказать капитану Константу все наше приключение, раз уж он хочет знать... Только я расстался с этим джентльменом, как вдруг слышу молодой женский голос, взывающий о помощи. Мне показалось - однако точно не припомню, так ли это, что кричали: "Спасите! Меня хотят обесчестить!" Я тотчас ринулся туда и обнаружил эту даму в объятиях какого-то грубияна...

Хиларет. Такого наглеца еще свет не видывал!

Рембл. Да, да, удивительно наглый малый! К тому же и трус: только я подошел, как он выпустил свою жертву и исчез.

Констант. Мой дорогой Рембл, что ты для меня сделал!

Рембл. Стоит ли об этом говорить, дорогой Констант! Я не задумываясь оказал бы такую же услугу всякому другому. Слушай же дальше. Подоспевшая стража, не удовлетворившись объяснениями этой особы, задержала нас и отправила наутро к судье Скуизему. А судья, несмотря на все заверения этой дамы, препроводил вашего покорного слугу сюда, где он имеет счастье наслаждаться вашим прекрасным обществом.

Констант. Друг бесценный!.. Да ниспошлет мне небо случай оказать тебе подобную

услугу!

Рембл (в сторону). Да услышит оно все твои молитвы, кроме этой!

ЯВЛЕНИЕ 10

Констант, Рембл, Сотмор, Хиларет, Стафф.

Стафф. Пунш готов, джентльмены. Пожалуйста вниз. Вы можете пользоваться неограниченной свободой в пределах моего дома.

Сотмор. Нам большего и не нужно, покуда твой пунш не иссякнет. Будь твой дом морем пунша, он был бы мне милее всякого другого дома во всем городе.

Стафф. За пуншем дело не станет, ваша милость.

Сотмор. А мне больше ничего и не нужно.

Стафф (Ремблу). Небольшое дельце, капитан: тут пришла миссис Скуизем и желает поговорить с вами наедине.

Рембл. Попросите же ее подняться... Извини меня, Сотмор, я должен тебя покинуть на несколько минут. Я думаю, ты не соскучишься в обществе этой дамы и Константа.

Сотмор. Смотри же, не задерживайся! Ставлю пять бочонков против одного: у этого малого еще одна девица на примете!

ЯВЛЕНИЕ 11

Рембл, миссис Скуизем.

Рембл. Уф! Я благополучно выкарабкался из одной истории... Как мог я не узнать порядочной женщины?! Впрочем, так ли уж мудро ошибиться, когда наши городские шлюхи ударились в скромность, а светские дамы щеголяют напускным бесстыдством! Ну-с, теперь займемся миссис Скуизем. Нетрудно догадаться, чего ей от меня надо.

Миссис Скуизем. Вас, должно быть, удивит, капитан, что у меня такое доброе сердце. Как видите, я не только ходатайствую за вас перед моим супругом, а еще и навещаю вас в вашем заточении. Но я не могу оставаться спокойной, когда вижу, что человек, которого я считаю невинным, терпит напраслину.

Рембл. Благодарю вас, сударыня, за ваше доверие ко мне.

Миссис Скуизем. Вы вполне заслужили его, сударь. Для чего, по-вашему, я рискнула остаться с вами наедине нынче утром?

Рембл. Я полагал, из человеколюбия.

Миссис Скуизем. Нет, сударь, я хотела лично убедиться, таковы ли вы на самом деле, каким вас расписала молва. И я увидела, что самая добродетельная женщина не могла бы требовать от джентльмена большей скромности, учтивости, благовоспитанности, большего смирения. Вы оказались, сударь, до того скромны, что я и представить себе не могу, чтобы вы были способны совершить насилие. Сударь, вы безобидней заплывшего жиром шестидесятилетнего мэра, вы смирнее маменькиного сынка двадцати шести лет от роду.

Рембл. Фью!..

Миссис Скуизем. Сегодня утром вы произвели на меня столь благоприятное впечатление, что я решилась довериться вам еще раз; такому джентльмену, как вы, я бы смело вверила свою честь, где бы мы с вами ни встретились.

Рембл. Сударыня, я постараюсь сделать все, чтобы вы и впредь были обо мне такого же доброго мнения; вы можете довериться мне, где бы мы ни находились, и я обещаю всегда и всюду держать себя с вами, как подобает самому благовоспитанному джентльмену с самой благовоспитанной дамой. Клянусь вам этой нежной ручкой, этими алыми губками и миллионом прелестей, заключенных в вашем драгоценном теле!

Миссис Скуизем. Я вас не понимаю, сударь!

Рембл. Ах, я и сам себя не понимаю! Язык бессилен, и самый ум постичь не может, - одним лишь сердцем можем мы предчувствовать те наслаждения, что нам готовит любовь.

Миссис Скуизем. О, клянусь вам!..

Рембл. Ни клятвы, ни сопротивление уже не помогут. В этой комнате есть постель, которой не побрезговали бы король с королевой.

Сотмор (за дверью). Эй, Рембл! Джек Рембл! Ну не стыдно ли тебе бросать своих друзей ради какой-то девчонки? Если ты не спустишься сейчас же, я выломаю дверь, а ее утоплю в пунше!

Миссис Скуизем (тихо). Я погибла!

Рембл. Не бойтесь ничего... Возвращайся к своему пуншу, я сейчас приду!

Сотмор. Без тебя ни шагу!

Рембл. Тогда я спущусь, разобью твою кружку и разолью весь пунш.

Сотмор. Можешь захватить с собой свою шляху, там одна уже есть, она небось будет рада подружке. Если ты не придешь сейчас же, я сам за тобой приду.

Миссис Скуизем. Что мне делать?

Рембл. Делай, что тебе подскажет сердце, ангел мой!

Миссис Скуизем. Пустите!.. В другой раз... Мне здесь никак нельзя.

Рембл. Но не могу же я с вами расстаться!

Миссис Скуизем. Я дам вам знать о себе через полчаса. Вам предоставят свободу, и я назначу место для свидания!

Рембл. Так я могу рассчитывать на вас, сударыня?

Миссис Скуизем. Да, да... Прощайте же!.. Не провожайте меня, я проскользну черным ходом.

Рембл. Прощай, мой ангел!

ЯВЛЕНИЕ 12

Рембл (один).

Рембл. Черт бы подрал этого несчастного пьянчужку! Вечно он пакостит мне. Впрочем, раз мне заранее обещана свобода, можно и не жалеть об этой короткой отсрочке. Мысль о предстоящей свободе поможет мне подавить в себе на время кое-какие желания. Кажется, мое приключение начинает принимать недурной оборот. В моем отчаянном положении мне, молодому человеку, нельзя пренебрегать благосклонностью жены богача-судьи. Следующий раз, когда меня привлекут за насилие, я подкуплю судью его же собственными деньгами. Одолжите человеку золото, и он забудет, что он ваш должник; рискуйте за него головой - он может забыть и об этом. Но вступите в связь с его супругой - и вы обеспечены его дружбой по гроб. Нет лучшего друга в беде, чем муж, которого вы снабдили рогами!.. Хватайте же его, как быка: за рога!

ЯВЛЕНИЕ 13

Рембл, Констант, Сотмор, Хиларет.

Сотмор. Вот и он! А где же девка? Если ее не было, твое поведение уж совсем непростительно.

Констант. Послушай, Рембл, какую штуку придумал наш ангел-хранитель! Теми же сетями, которыми наш почтенный судья накрыл и опутал нас всех, мы опутаем его самого! Вот этот бочонок тоже сыграет свою роль в нашем деле.

Рембл. Нельзя ли обойтись без него? А то еще попадетя ему по дороге бутылочка бордосского, и вся наша затея сорвется!

Сотмор. Нет, я не подведу вас даже за бургундское - самое лучшее, какое только есть во всей Франции. Эта дама осушила со мной целую чашу пунша подумайте, целую чашу! - и тем завоевала мое сердце. Клянусь всеми радостями, какие нам дарует вино, вы, сударыня, нравитесь мне больше, чем все женщины на свете вместе взятые! Нет ни чести, ни совести в человеке будь то мужчина или женщина, - который чурается бутылки. Золото испытывается огнем, а честность вином. Сударыня, вы меня покорили. Пока я держусь на ногах, я буду пить ваше здоровье, а как свалюсь - тут уже ни одна благоразумная женщина никаких тостов от меня не потребует.

Хиларет. Я горжусь победой над человеком такого высокого ума, как мистер Сотмор.

Констант. Тут и в самом деле есть чем гордиться! Ведь вы первая женщина, с которой он соизволил быть любезным.

Сотмор. Это оттого, что ни одна из них не обладала вашими достоинствами, сударыня.

До сих пор мне все попадались такие, что пили один только чай. Если б у меня была дочь и если бы она пила чай, я выгнал бы ее из дому, сударыня! Потому-то мужчины и порядочней женщин, что они хлещут вино, а не чай. Если б женщин с детства приучали курить и пить коньяк и если б они с таким же удовольствием пили, как вы, сударыня, право я начал бы за ними ухаживать.

Рембл. Ого, Констант, еще один такой комплимент, и тебе придется ревновать твою милую!

Хиларет. Да, пожалуй, он мог бы приревновать и сейчас.

Сотмор. Сударыня, вы мне нравитесь. Если б по одну сторону поставили бутылку бургундского, а по другую вас, ей-богу я не знал бы, кого выбрать.

Констант. Чего там не знать, - уж, верно, выбрал бы бутылку.

Рембл. Расскажите же мне о вашем заговоре.

Сотмор. Только не здесь. Идемте вниз. Такие секреты должны обсуждаться лишь за торжественным столом заседаний. Стакан замыкает человеку уста.

Констант. Однако мудрецы говорят нам другое.

Сотмор. Ты говоришь о трезвых мудрецах. Подлинные же мудрецы, известное дело, все пили как лошади. Ни разу еще не видел я трезвенника, который не был бы безмозглым ослом, - недаром же осел самое трезвое из животных. Ваши трезвые мудрецы, сударь, давно уже истлели в могиле вместе со своей философией. Еще Гораций, этот величайший поэт и мудрец, писавший не чернилами, а фалернским вином, сказал:

Забвенью будет предан тот поэт,

Кто воду пьет, а водку - нет.

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

В доме у Скуизема. Скуизем и Куилл.

Скуизем. Ты отнес мое письмо?

Куилл. Отнес, ваша милость. Оставил в кофейне. Так распорядилась эта дама.

Скуизем. Отлично, отлично... Куилл!

Куилл. Сударь?

Скуизем. На тебя можно положиться, я знаю. То, что я сейчас тебе скажу, убедит тебя в моем безграничном доверии. Короче говоря, Куилл, я подозреваю свою жену...

Куилл. В чем, сударь?

Скуизем. Боюсь, Куилл, что не меня одного она удостаивает своей благосклонности и что я с некоторых пор состою в почтенной корпорации рогоносцев.

Куилл. Тогда ваша милость принадлежит к самой обширной корпорации в Англии.

Скуизем. Закон, как тебе известно, стоит на стороне рогоносцев и преследует женщин, изменивших мужьям. Рога приносят мужчине одно преимущество: с их помощью он может выставить свою жену за дверь.

Куилл. Преимущество немалое, сударь.

Скуизем. Да, но, чтобы воспользоваться им, надобно сперва уличить жену в неверности. Недостаточно того, чтобы сам рогоносец знал о своем позоре, нужно, чтоб его позор стал публичным. А хочешь, чтобы твои рога не торчали наружу, - изволь, но тогда уж прощай свобода: от жены тебе ввек не избавиться! Так вот, Куилл, я и решил обратиться к тебе, так как у тебя есть возможность наблюдать за моей женой. Если нам удастся поймать ее с поличным, то получишь изрядное вознаграждение. Это дело уж не терпит отлагательства: ведь если я не разоблачу ее, она разоблачит меня. А вечно платить ей за то, чтоб она держала свой язычок за зубами, - значит, разориться вконец. Чтобы заткнуть рот женщине, никакого золота не хватит.

Куилл. Сударь, я постараюсь быть как можно усерднее.

Скуизем. А я - возможно щедрее... если, конечно, ты добьешься успеха. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Куилл (один). Ну нет, почтеннейший судья, на такую приманку я не поддамся! Я слишком хорошо тебя знаю и потому не верю в твою щедрость. Твоя жена заплатит мне больше за такую же услугу. К тому же я человек чести и совести и не могу служить двум господам! А так как я уже давно состою при госпоже для особых услуг, пойду-ка я к ней, как честный и верный слуга, и раскрою перед нею весь заговор. Ведь если ее выгонят из дому, с этим скупердьяем мне будет не сладко. Он так жаден, что готов сжить со свету всех мошенников, кроме себя самого.

ЯВЛЕНИЕ 3

В доме констебля. Рембл и Констант.

Рембл. Э, да твоя милая, оказывается, тонкий политик! Только бы наш пьянчужка не испортил нам дела!

Констант. Не бойся за него, у него хитрости тоже хватает. В его башке столько лет шла война между пьянством и трезвостью, что они, наконец, пришли к соглашению, и теперь он уже всегда полупьян, полутрезв.

Рембл. Ну что ж! Делать нам здесь нечего, только сидеть да ждать. Поэтому расскажи-ка мне подробнее, как провел ты эти три года, что мы не видались. Шутка ли - три года! Что делал ты после того, как покинул службу в Ост-Индии и вернулся с Сотмором сюда?

Констант. В тот год у всех на уме была война. О ее близости мы судили не только по слухам, но и по таким фактам, как увеличение армии. Вот я и решил остатки своего состояния отдать на служение отечеству и снова, как в Индии, купил себе офицерский патент. Особых приключений у меня не было, служил, пока не сократили армию, а с тех пор разделяю судьбу тех несчастных солдат, которым дали отставку да и пустили нищими в красном кафтане.

Рембл. Да, таково свойство солдатской одежды - превращаться в лохмотья. Уж так у нас заведено: наши славные солдаты привыкли возвращаться с потрепанными знаменами, в рваных кафтанах. Знамена вывешиваются в Вестминстер-холле *, а солдата, по приказу того же Вестминстер-холла, сажают за решетку. В тюрьмах, слава богу, всегда найдется местечко для нашего брата.

Констант. Единственное, в чем мне была удача за последнее время, - это в любви. Я полюбил ту милую девушку, что ты здесь видел, и мы должны были нынче ночью с ней встретиться, чтоб обвенчаться. Но только я прибыл на место свидания, вдруг вижу: какой-то негодяй нападает на прилично одетую женщину. Я бросился к ней на помощь, ее оскорбитель немедленно скрылся, а подоспевшая стража схватила меня и наутро отвела к судье Скуизему, который и распорядился отправить меня сюда.

Рембл. Что ж, она дала показания против тебя?

Констант. Нет еще. Я слышал, что она еще не оправилась от вчерашних ушибов и просила продержать меня до вечера. А вечером она предъявит мне свое обвинение. Впрочем, я думаю, что она здесь ни при чем. То, что тут рассказала нам Хиларет, да и те ухищрения, какими из меня пытаются выжать деньги, наводит меня на мысль, что все это мошенничество подстроено самим судьей.

Рембл. Да уж будь уверен: где какое мошенничество, там судья играет самую главную роль. Но пусть мысль о предстоящем возмездии послужит тебе утешением. Не думаю, чтобы судье удалось ускользнуть из сетей, которые мы для него приготовили, - разве что дьявол окажется добрей, чем мы думали, и захочет прийти на выручку своему лучшему другу.

Констант. Но что ты собираешься делать в Англии? Здесь у тебя ни родных, ни знакомых.

Рембл. Почем знать, может еще и сыщется кто. Когда-то у меня был здесь отец, старик, и притом богатый. Он счел нужным изгнать меня из дому за кое-какие невинные шалости, да, верно, теперь простил меня, если только остался в живых. Впрочем, я уже десять лет не имею о нем известий.

Констант. Как же ты мог бросить родного отца на целые десять лет? Непростительное

легкомыслие!

Рембл. Увы, я таков от природы: мои мысли не поспевают за поступками, и раздумье нападает на меня лишь тогда, когда думать уже поздно. Всю-то свою жизнь я был задним умом крепок. Верно, у моего рассудка глаза на затылке.

ЯВЛЕНИЕ 4

Рембл, Констант, Стафф.

Стафф. Письмо к вашей милости.

Рембл (читает). Вот это письмо так письмо!

Констант. Что же в нем такое?

Рембл. В нем моя свобода, скрепленная собственноручной подписью здешней повелительницы.

Констант. Да о чем же оно?

Рембл. Говоря попросту, не прибегая к высокому стилю, это письмо от миссис Скуизем, жены судьи, с приказом констеблю немедленно отпустить меня на волю. (Читает.) "Сударь, как только я оправилась от испуга, причиненного мне вашим дерзким приятелем, я тотчас же выполнила свое обещание. Вы застанете меня дома; податель сего одновременно вручит констеблю приказ о вашем освобождении". Вот добрая душа! (Целует письмо.) Драгоценная супруга проклятого мерзавца судьи, лечу в твой объятья!..

Констант. Послушай, а что если посвятить ее в наши планы?.. Вот возьми и снеси-ка ей эту записку, в которой судья назначает Хиларет свиданье. Записка подкрепит твои слова.

Рембл. Чудесная мысль! Лечу осуществить ее на деле. Прощай, драгоценный Констант! Надеюсь, милый, встретиться с тобой

В спокойной гавани, где не грозит беда,

Где мерзостный судья не причинит вреда.

Констант. Ну что ж, желаю тебе успеха!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 5

В кабачке.

Скуизем, слуга.

Скуизем. Скажи-ка, любезный, не приходила ли сюда одна женщина и не справлялась ли она о мистере Джонсе?

Слуга. Что-то не слыхал, сударь. Если хотите, я спрошу в буфете.

Скуизем. Да, да, спроси... и скажи там, что, если кто придет, пусть проведут наверх, ко мне... У меня нет оснований думать, что она обманет меня, но я так и горю от нетерпения. Право, эта женщина возродила во мне весь пыл моей ранней юности. Оказывается, я моложе, чем думал! Мне сорок девять, никак не больше. Да что ж это моя милая не идет в самом деле?.. Напрасно я ей дал те пять шиллингов, да еще в кошельке, которому цена уж не меньше двух шиллингов. Как знать, она, может быть, истратила их на какого-нибудь молодчика, который в благодарность еще наградит меня кой-чем.

ЯВЛЕНИЕ 6

Скуизем. Хиларет.

Скуизем. Наконец-то!.. Моя хорошенькая, моя славненькая, моя миленькая плутовочка!.. Я ждал тебя по крайней мере... четыре часа.

Хиларет. Да уж это известное дело, молодые любовники всегда приходят на свидание задолго до срока.

Скуизем. Награди меня за это поцелуем. Да, ты увидишь, что я молод и страстен... Ну, приласкай меня, похлопай по щечке... Гав, гав! Гав, гав! Сейчас я съем твою платице... Что же мы будем пить - белое или красное?.. Дамы любят белое.... Эй, мальчик, полпинты шотландского... Давай-ка мы с тобой посидим... Да садись же!.. Садись поближе! Ну-с, расскажи-ка мне, как ты потеряла невинность... Рассказывай, а я дома запишу твой рассказ в свою летопись. Это такая книга, куда я пишу о каждой женщине, с которой у меня была хотя бы мимолетная связь. Знаешь, как я озаглавил свой труд?.. "История моей эпохи".

Хиларет. Небось увесистая получилась у вас книга, сударь, не меньше церковной библии!

Скуизем. Да, не маленькая; матерьялу хватило на много страниц.

Хиларет. Бог даст, вы еще столько напишете в ней!

Мальчик (за сценой). Запишите: бутылка шотландского в гостиницу "Льва".

Скуизем. Ну, рассказывай... Где ты начала свои амуры?.. Уж верно в церкви. Много любовных историй начинается в церкви, но, увы, они редко кончаются там. А может быть, дело началось с того, что ты вздумала поглазеть на военный корабль? Женщины падки на зрелища. Сколько вас погибло из-за них! Оттого-то и дети так любят зрелища - ведь многие из них и на свет-то появились благодаря этим самым зрелищам.

Хиларет (в сторону). Спасибо, что напомнил, а то я чуть не позабыла, что мой первый соблазнитель был моряк. Правда, сударь, там-то я и познакомилась с ним, там-то и произошла наша роковая встреча.

Скуизем. Ну, и как же началась ваша любовь - с разговора или с письма?

Хиларет. Все началось с письма, сударь. Он извел целую кучу бумаги, а я все не отвечала ему: сперва я возвращала его письма нераспечатанными, потом стала распечатывать - и все же посылала обратно... Но наконец... он добился ответа.

Скуизем. Добился ответа - и что же?

Хиларет. Ах, как только он получил мое письмо, он почувствовал себя победителем!

Скуизем. Да, да, конечно. Я и сам замечал во всех моих любовных похождениях, что, как только получишь от женщины ответ на письмо, можно уже рассчитывать на все остальное: женщина незамедлительно следует за своим письмом собственной персоной. Так что же было в его ответном письме?

Хиларет. Ах, он исписал его клятвами: и любить-то он будет меня до самой смерти, и счастья-то ему нет без меня... чего-чего только там не было!

Скуизем. Да, да, да! Точно так же писал и я. В ухаживании за женщиной, как в судопроизводстве, важна система.

Хиларет (в сторону). То-то, старик, ты так скучно ухаживаешь - точно тяжбу ведешь.

Скуизем. Сколько же ты ему писем написала, прежде чем...

Хиларет. О, совсем немного, сударь: он уже не нуждался в поощрении.

Скуизем. Ну-с, минуем все околичности и перейдем к вашему последнему, роковому свиданию.

Хиларет. Это случилось утром, в воскресенье...

Скуизем. Правильно! Таков и мой излюбленный прием: улучшить часок, когда все прихожане в церкви.

Хиларет. День был очень жаркий...

Скуизем. Верно, был май... а быть может, июнь... Женщины, как и вишни, слаще всего в этом месяце.

Хиларет. Утомленная прогулкой по саду, я зашла отдохнуть в беседку. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила там своего коварного друга!

Скуизем. До чего же хитер! Молодец! Снова узнаю свою систему. Засада бывает так же полезна в любви, как и на поле сражения.

Хиларет. Он сделал вид, что наша встреча для него неожиданность. Когда же я потребовала у него объяснения, ради чего он затаился в беседке, он сорвал с себя маску и сознался во всем. Он подлетел ко мне, страстно прижал меня к своей груди и стал клясться в пламенной любви, вечной верности. Охваченная гневом, я оттолкнула его. Он усилил натиск, я ослабила сопротивление; он умолял, я негодовала; он вздыхал, я рыдала; он настаивал, я потеряла сознание; он...

Скуизем. Довольно!.. Я больше не в силах терпеть, мой ангел! Мое блаженство! Цветочек! Голубка! Солнышко!

Хиларет. Что с вами, сударь? Чего вы хотите?

Скуизем. Съесть, тебя, проглотить тебя, задушить тебя в своих объятиях!

Хиларет. На помощь! Караул! Помогите! Он хочет меня обесчестить!

ЯВЛЕНИЕ 7

Скуизем. Хиларет. Сотмор.

Сотмор. Ба! Что за чертовщина!.. Никак судья Скуизем собирается обесчестить девушку?

Хиларет. Ах, сударь, заклинаю вас небом, помогите бедной, одинокой, несчастной девушке... Этот злой человек коварно соблазнил меня.

Скуизем. О господи!

Сотмор. Стыдно, мистер Скуизем! Судья, блюститель закона, а сами же его нарушаете!

Скуизем. И ты смеешь обвинять меня?!

Хиларет. Вы сами знаете, как гнусно вы со мной поступили. (К Сотмору.) Сжальтесь, сударь, надо мной и схватите его! Не дайте ему уйти до прихода констебля. Если только закон распространяется и на судей, я добьюсь, что этого негодяя повесят.

Скуизем. Господи боже мой! До чего я дожил! Какой позор! Какое унижение!

Сотмор. Если б ты был честным малым и держался бутылки, этого с тобой никогда не случилось бы; а ты погнался за юбкой, чума тебя возьми, в твои-то года! У тебя не ноги, а спицы, морда - как у хорька, шея - как у цапли, а туда же - блудить! Кто бы мог подумать, что такой старый, гнилой пень посягнет на женщину? Да ты сделаешься посмешищем всего города!.. Все наши щелкоперы газетчики напишут о тебе столько статей, что потом будут целый месяц обедать на твой счет. Сам Александр Македонский не въезжал в Вавилон с такой помпой, с какой тебя повезут на виселицу. Когда жреца правосудия ведут на казнь, это настоящий праздник - праздник правосудия!

Скуизем. Сударь, если есть правда на земле, я невинен, как...

Сотмор. Да будь ты хоть трижды невинен, это тебя не спасло бы... Не груз грехов затягивает петлю на шею. Твоя невинность не поможет тебе на суде, если эта особа присягнет против тебя; а уж когда ты попадешь на виселицу, кричи сколько угодно о своей невинности - не поможет! Тут что попало в сеть - то и рыба. Виселице так редко достается законная добыча, что, только попадись ей, не выпустит.

Хиларет. И вы смеете утверждать, что вы не виновны? Да вот свидетель, вы думаете, он не видел, как вы дерзко оскорбили меня?

Сотмор. Да, да, я присягну в том, что было совершено насилие, присягну с такой же чистой совестью, с какой я выпиваю стакан вина.

Скуизем (в сторону). Теперь я вижу, что меня предали. Я попался в свою же ловушку. Возможен только один выход - тот, который я всегда предлагаю другим... Сударыня, вы, очевидно, рассчитываете получить с меня деньги. Я слишком хорошо знаю законы и потому не стану спорить. Надеюсь, вы будете благоразумны в своих требованиях, - я ведь беден, очень беден; с моей честностью не больно разбогатеешь.

Хиларет. Сударь, никакие миллионы не способны приостановить мое мщение! Вас повесят в назидание другим.

Скуизем. Ах ты негодяйка! Ах жестокая! Жаждет крови, когда я предлагаю ей золото! Ведь золото и есть моя кровь.

Сотмор. Эге-ге! Это что за посудина?.. Из-под укуса, что ли? Да это вино, ей-богу вино! Ах ты мерзкий негодник! И ты еще божишься, что невинен, когда пойман с такой уликой? Будь я судьей или хоть всей дюжиной присяжных, я бы тебя вздернул на основании одной этой подлой бутылки! Ну, раз уж тебя все равно повесят, дай-ка я выпью за твое благополучное отбытие на тот свет... Ты встретишь там уйму знакомых, отправленных тобою туда же... Ну-с, а теперь я пойду за слугой, пусть позовет констебля.

Скуизем. Стойте, стойте, сударь! Ради бога, не губите меня!.. Неужто, сударыня, вас ничем невозможно умиловить?

Хиларет. Ничем, кроме строгого исполнения закона. Сударь, прошу вас, не теряйте времени, посылайте скорей за констеблем.

Скуизем. Я сделаю все, что вы скажете, я согласен на любые условия!

Хиларет. Констебля, констебля!

Скуизем. О, погодите, сударь! Голубчик! Я дам вам сто гиней! Я сделаю все!

Хиларет. Вспомните, как вы обошлись с двумя джентльменами нынче утром!.. Но я отомщу за них... Сударь, пошлите же за стражей, прошу вас!

Скуизем. Одного из них я уже освободил, а другого немедленно выпущу.

Хиларет. Поздно!

Сотмор. Послушайте, сударь, обещаете ли вы бросить женщин и перейти на вино?

Скуизем. Я брошу и то и другое.

Сотмор. Тогда вас повесят. Но если вы обещаете начать новую жизнь и напиваться всякий божий день, как подобает порядочному человеку, я похлопочу перед этой дамой за вас, чтоб она вас отпустила, как только вы отпустите ее друзей.

Скуизем. Я сделаю все, я брошу все!

Сотмор. Сударыня, будьте на этот раз милосердны к этому несчастному, к этому заблудшему служителю правосудия.

Хиларет. Сударь, я не в силах в чем-либо отказать вам.

Скуизем. Дайте мне перо и чернила! Я пошлю за ним тотчас и прикажу его освободить.

Сотмор. Перо, чернила и бумагу, любезный! Да прихвати бутылочку старого портвейна!

Скуизем (к Хиларет). И у тебя хватило бы совести присягнуть против бедного старца?

Сотмор. В самом деле, это было бы немножко жестоко, сударыня. Неужели у вас хватило бы духу смотреть, как болтается в петле этот ветхий мешок с костями? Неужели вы осмелились бы предложить правосудию такое невкусное блюдо? Вот и бумага! Пишите же, сударь, скорее приказ об освобождении того джентльмена, - это же и вам вольная!

Скуизем пишет. Сотмор и Хиларет выходят на авансцену.

Сотмор. Вы так блестяще провели это дело, что я, наконец, уверовал в женский ум.

Хиларет. Уж если пошло на каверзы, мистер Сотмор, положитесь на женщину - не подведет.

Сотмор. Да, сударыня, на женщину, которая не гнушается стаканчиком, можно положиться. Вино - источник мыслей:

Чем больше вина,

Тем больше ума.

Я так и не решил еще, что больше: польза, приносимая вином, или вред, причиняемый лекарствами? Была бы моя воля, я превратил бы все аптеки, какие есть в нашем городе, в кабаки.

Хиларет. Боюсь, что чем больше бы вы развели кабаков, тем больше аптек пришлось бы открыть.

Сотмор. Напротив! Это аптекари со своими снадобьями и портят нам вино: само по себе оно ведь так же безвредно, как вода. Сами посудите, какой может быть вред от виноградного сока? Иное дело все эти порошки да травы... Послушайте меня, сударыня, - бросьте ваш чай, эту гнусную тлетворную воду, и переходите на вино. Оно оживляет лицо лучше любых румян, оно укрепляет нравственность лучше всех проповедей в мире. Я введу вас в несколько клубов, в которых состою сам. Там вы найдете компанию честных малых, которые живут в облаках табачного дыма и не знают иного жилья, кроме кабака.

Скуизем. Вот, сударь, письмо: оно доставит сюда джентльмена, о котором вы хлопочете.

Сотмор. Послушай, любезнейший, доставь это письмо по назначению... Ну что же, почтеннейший судья, хоть наше знакомство и началось не совсем обычно, оно может вскоре обратиться в дружбу. Давайте же усядемся и будем поджидать нашего приятеля, как подобает добрым людям. Вспомните, что вы обязались делать каждый день, и начните новую жизнь с этой минуты. Садись же, старый кабатчик, садись, торговец законами!

Садятся.

Выпьем за процветание вашей торговли, сударь; за то, чтоб не переводились шлюхи и

фальшивые игральные кости... Ты сборщик пошлин с человеческих грехов и пороков, вот ты кто! И кто хочет плутовать и распутничать без всякой узды, должен получить от тебя разрешение. Пей же со мной, старина! Если ты хоть каплю оставишь на дне, тебя отправят в тюрьму, клянусь вот этой бутылкой!

Скуизем. Нет, сударь, уж очень вы щедры! Я, право, боюсь охмелеть.

Сотмор. Люблю видеть пьяного судью! Когда правосудие пьяно, оно не способно брать взятки.

Скуизем. Вы, верно, забыли, как афиняне карали судей за пьянство?

Сотмор. Мы, слава богу, не афиняне, и такого закона у нас нет. У нас за пьянство, да и за другие грешки, привлекают только низшее сословие. Пьянство, как и азартные игры, - господская забава. Кто не имеет кареты, чтоб добираться домой, - и думать не смей напиваться!

Хиларет. Право, сударь, не принуждайте меня.

Сотмор. Клянусь бутылкой, сударыня, я заставлю вас выпить! Я силой заставлю вас пить в присутствии судьи. Для вас вино полезнее чая, и вам не придется после него убежать к себе, чтоб потихоньку запивать его джином. Выпейте за здоровье судьи в знак дружбы и мира. Судья честный пьянчужка и добрый малый. (Обращается к судье.) Позволь дать тебе хороший совет: брось охальничать с девками, предоставь их молокососам. Твое дело - бутылка. Это по нашему с тобой возрасту. И впредь не суди так сирого честных сорванцов. Славных ребят посадил ты нынче за решетку - тех двоих; пусть это будет в последний раз... Будь беспощаден, если хочешь, с шулерами, гулящими девками, которые действуют без твоего разрешения, но если ты еще хоть раз прикажешь схватить кого-нибудь из моих друзей, знай: я тебя заставлю не только пить из бутылки, но и съесть бутылку. Твое здоровье! Надеюсь, что ты станешь честней! Пстой, тебе тоже придется выпить стаканчик за свое здоровье!.. Эй, мальчик, еще вина!

Скуизем. Ни капли больше!

Сотмор. "Капля", ты сказал? Будь оно проклято, это слово! А ну-ка, осуши стакан! Видишь, леди ждет.

Скуизем. Да это похуже тюрьмы!

Сотмор. Ну нет, из тюрьмы-то выбраться стоит дороже. Пей же!

Скуизем. Ну ладно, раз вы заставляете.

Сотмор. Ну-ка, затянем песенку во славу вина!.. Я буду запевать, вы подхватывайте. (Поет.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Скуизем, Хиларет, Сотмор, Констант, Стафф.

Констант. Хиларет! Счастье мое!

Хиларет. Констант, дорогой мой!

Сотмор. Поздравляю тебя, душа моя, с освобождением!

Констант. Спасибо, друг Сотмор, ведь это тебе я обязан своей свободой. Мы не останемся в долгу перед тобой, Рембл и я, мы посвятим тебе за это шесть ночей.

Сотмор. А где же Рембл?

Констант. О, за него не беспокойся, он в безопасности.

Хиларет. Сударь, раз уж мы покончили с этим делом, возьмите назад кошелек, который вы мне давеча подарили. Пусть я кое в чем и обманула ваши надежды, но вы получите то, чего вы никак не ждали, - ваши собственные деньги, сударь! Я не прикасалась к ним, поверьте.

Скуизем. Ну что ж! И на том спасибо!

Сотмор. Джентльмены, прошу всех занять места, возьмите каждый по стакану. Мы во что бы то ни стало должны посвятить часок-другой веселью.

Скуизем. Джентльмены, правосудие прежде всего! Мистер констебль, исполняйте ваш долг.

Стафф (страже). Эй вы, сюда!

ЯВЛЕНИЕ 9

Скуизем, Хиларет, Сотмор, Констант,
Стафф и стражники.

Стража хватает Константа, Хиларета и Сотмора.

Скуизем. Именем короля - хватайте их! Я обвиняю эту женщину и этого мужчину в намерении принести ложную присягу против меня.

Стафф. Сопротивление бесполезно, джентльмены.

Хиларет. О, мерзавец!

Скуизем (Сотмору). Это вам вперед наука: прежде чем отсылать письмо, написанное под вашу диктовку, не побрезгуйте заглянуть в него.

Сотмор. Ну и подлюга! Даже вино бессильно внушить тебе понятие о чести.

Скуизем. Обратите внимание, джентльмены, на выражения, которые употребил арестованный. Уж погодите, я с вами расправлюсь со всеми по всей строгости законов!.. Мистер констебль, отведите арестованных к себе на квартиру и держите их там, пока не получите распоряжения доставить их к судье.

Сотмор. Эй, судья, не слишком ли далеко зашла твоя шутка?

Скуизем. А вот ты на собственной шкуре узнаешь, как далеко заходят мои шутки!

Сотмор. Наконец-то я нашел человека, с которым я сам отказался бы выпить!

Стафф. Пожалуйста, джентльмены, ко мне на квартиру. Благо дорожка знакомая... (Сотмору.) Сердечно рад приветствовать вашу милость и постараюсь устроить вас со всеми удобствами.

Констант. Что до меня, я притерпелся к несчастьям и уже не ропщу на них. Но как мне снести твою беду, Хиларет?

Хиларет. Чем меньше ты будешь тревожиться обо мне, Констант, тем легче мне будет.

Сотмор. Позвольте лишь сказать на прощанье два словечка судье: пусть небо ниспошлет тебе целый ливень жидкого пива и пусть твое поганое тело сгниет от него, как уже сгнила твоя душа!

Хиларет.

Я к небу возношу мольбу одну:

Всего лиши его - оставь ему жену!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

В доме Политика.

Политик (один). Это просто поразительно, до чего у моей дочери нрав не похож на мой! Не иначе, как ее мать с кем-нибудь согрешила! В самом деле, возможно ли, чтобы я, который всю жизнь славился своей добродетелью, произвел на свет такую шальную девчонку? Теперь я начинаю припоминать, что к нам одно время повадился какой-то долговязый отставной офицер, да и девчонка как будто смахивает на него. Она такая отчаянная, что любой офицер в нашей армии мог бы оказаться ее папенькой!.. Природа благоволит ко всем самцам, кроме мужчины: бык, конь, пес - все они свободны от забот о собственном потомстве; у них эти заботы лежат целиком на самке. Человек же, с того часа как болтливый поп пробормочет над ним свои роковые слова, обязан печься обо всех щенках, каких только заблагорассудится жене подарить ему. Должен, однако, признать, что сия девица исправно выполняла свой дочерний долг, пока ей не повстречался тот проклятый молодчик в красном кафтане. Почему это красный цвет так любезен дамам? Римский сенат все время держал свою армию в чужих краях, чтобы не делить с солдатами своих земель. И нам бы следовало так поступать с нашей армией, если мы не хотим, чтоб солдаты разделяли ложе с нашими женами. Да знаете ли вы, сколько работы повивальным бабкам может задать один дюжий молодец за одну только зиму, сидя у себя дома? Воюй он десять лет без роздыху, он не причинил бы столько хлопот хирургам неприятельской армии!

ЯВЛЕНИЕ 2

Политик и Фейсфул.

Политик. Ну что, есть ли какие-нибудь известия о моей дочери?

Фейсфул. Нет, сударь. Зато есть новости из канцелярии министра: прибыла голландская почта, и вы с ней познакомитесь в вечернем выпуске наших газет.

Политик. Ну что ж, подождем... Итак, у нас накопилось три почты. Не нравятся мне что-то наши дела на севере! Да, покуда северный ветер не сулит нам ничего хорошего. И на востоке как будто начинают собираться тучи.

ЯВЛЕНИЕ 3

Политик, Деббл.

Политик. Добрый день, мистер Деббл!

Деббл. Почта прибыла?

Политик. Только что.

Деббл. Я не спал всю ночь, все думал о том, что вы мне вчера сообщили. Может быть, голландская почта прольет свет на все эти дела... Но что пишут "Завиральные новости"?

Политик. Я не успел еще познакомиться с ними. Может быть, вы читаете их вслух? Я прочел всего только "Лондонскую газету", "Сельскую газету", "Еженедельную газету", "Газету Апельби", "Британскую газету", "Британский репортер", "Утренние новости", "Утренние новости кофейни", "Дневные новости", "Дневной курьер", "Дневную газету", "Ежедневную хронику", "Листок", "Вечерние новости", "Правительственные вечерние новости", "Лондонские вечерние новости" и "Сент-Джемские вечерние новости". Теперь я не прочь послушать "Завиральные новости".

Деббл. "Москва, января пятого. Нам пишут из Константинополя, что ситуация остается неопределенной; еще не ясно, что предпримет двор. На днях императрица, испытывая легкое недомогание, выезжала на прогулку в карете. Вернувшись с прогулки, ее императорское величество почувствовала себя исцеленной и изволила скушать отменно обильный ужин".

Политик. Странно, в других газетах ничего не говорится об ужине.

Деббл. "Берлин, января двадцатого. В городе ходят упорные слухи о неких мерах, предпринятых неким северным монархом, в ответ на некий события... Однако мы не в состоянии со всей определенностью назвать вышеупомянутого монарха, а также определить характер мер, предпринятых им. При всем том мы не сомневаемся, что время прольет свет на вышеозначенные события".

Политик. Будьте добры, повторите последнее предложение.

Деббл. "При всем том мы не сомневаемся, что время прольет свет на вышеозначенные события".

Политик. Так, так.

Деббл. "Марсель, января восемнадцатого. Положение с Италией продолжает оставаться неопределенным".

Политик. Так.

Деббл. "Слухи об отправке крупных воинских соединений не прекращаются".

Политик. Так.

Деббл. "Испанцы по-прежнему стоят лагерем близ Барселоны".

Политик. Так. (Качает головой.)

Деббл. "Угроза разрыва отношений не миновала. При всем этом мы ожидаем курьера из Вены с известиями о заключении общего мира".

Политик. Ну и слава богу!

Деббл. Люблю читать газеты, в которых добрые вести приберегаются под конец, где в начале столбца вам угрожают войной, а в конце обещают мир!

Политик. Читайте, пожалуйста, дальше.

Деббл. "Однако, несмотря на заверения в противном, в некоторых кругах полагают, что вышеупомянутый курьер только подтвердит опасения тех, которые ожидают войны. Нам остается лишь гадать о возможном исходе событий, и пока мы не столкнемся с фактом военных действий, мы вынуждены оставить наших читателей в той же неопределенности, в какой они пребывали доньше".

Политик. Так. Очевидно, ничего определенного нельзя еще сказать: миру ли быть, или войне?

Деббл. Ставлю десять против одного, что будет война. Обратите внимание: о возможности войны тут говорится дважды, о мире же всего лишь один раз... Пойдите, в следующем сообщении, из Фонтенебло, мы, может быть, получим окончательное разрешение вопроса. "Фонтенебло, января двадцать третьего. Вчера его величество отправился на охоту. Сегодня он посетит оперу, а завтра намеревается присутствовать на обеде".

Политик. Это мне уже не нравится. Обедня - не к добру.

Деббл. "Как известно, кардинал Флери..."

Политик. А ну, а ну!

Деббл. "Как известно, кардинал Флери несколько дней тому назад имел продолжительную беседу с послом некоей державы. Это обстоятельство наводит на размышления. Однако, не будучи осведомлены относительно предмета их беседы, мы ничего не можем сказать о ее результатах. Между тем нельзя не отметить, что известные лица, которые последнее время хмурились, заметно повеселели в связи с последними событиями. Приняв во внимание как вышеупомянутое обстоятельство, так и последние сообщения из Марселя, в некоторых кругах полагают, что война неизбежна; в других же, менее воинственно настроенных кругах можно найти горячих сторонников противоположной точки зрения... Окончательное решение вопроса предоставим времени, этому великому судье всемирной истории, который с помощью своей обоюдоострой косы, освобождая тайные государственные совещания от окружающих их сорняков, тем самым делает эти совещания доступными простому глазу проницательного политика".

Политик. Можно попросить вас повторить эту последнюю фразу?

ЯВЛЕНИЕ 4

Политик, Деббл, Фейсфул.

Деббл (читает). "Окончательное решение вопроса предоставим времени, этому великому судье всемирной истории, который с помощью своей обоюдоострой косы, освобождая тайные государственные совещания от окружающих их сорняков, тем самым делает эти совещания доступными простому глазу проницательного политика"...

Фейсфул. Сударь, сударь! Клорис принесла такие чудные вести о моей молодой госпоже.

Политик. Не перебивай, болван!

Фейсфул. Сударь, нельзя медлить - вы рискуете потерять ее навеки!

Политик. Молчать!

Фейсфул. Сударь, мою молодую госпожу, мисс Хиларет, погубят, опозорят, повесят, если вы не поспешите к ней на помощь! Она арестована по обвинению в насилии, сударь... О, моя бедная госпожа! Такая добрая, такая милосердная! Такой еще никогда не бывало на свете! Не думал я дожить до этого черного дня! Сударь, и вы можете сидеть тут и читать эту проклятую, дурацкую; лживую чушь, когда ваша дочь погибает!

Политик. Да он с ума сошел, этот малый!

Фейсфул. Ах, сударь, ваша дочь в тюрьме... Ее схватила стража... она арестована за насилие.

Политик. Моя дочь - за насилие?!

Фейсфул. Да, да, сударь! Говорят, что она обесчестила самого судью.

Политик. Ей-богу, этот малый свихнулся!

Фейсфул. Эх, сударь, вы тоже свихнулись бы, когда бы у вас было сердце! О, зачем довелось мне увидеть мою госпожу в такой страшной беде!

Политик. Обвинять женщину в совершении насилия - да ведь это неслыханно!

Фейсфул. И, однако, они собираются подкрепить свое обвинение присягой... как будто я не знаю, что во всем королевстве не сыщешь такой скромной и благонравной девицы! Но эта шайка мерзавцев готова присягнуть в чем угодно. Сударь, прежде чем поступить к вам, я

был в услужении у этого Скуизема и знаю, что другого такого подлеца не сыщешь во всем королевстве. Идемте же, мой добрый господин, идем к судье Уорти. Прогоните меня вон, как собаку, если вы не найдете у него свою дочь!

Деббл. Я припоминаю, сосед Политик, что мне уже случалось читать о подобном случае в какой-то газете.

Политик. В газете? Ну, если вы читали в газете, тогда, может быть, все это правда! Позвольте в таком случае откланяться, сосед Деббл, я приду через час в кофейню, где мы продолжим нашу беседу.

ЯВЛЕНИЕ 5

В доме Уорти.

Уорти, Изабелла.

Уорти. Видно, благородная скромность совершенно исчезла в наш век. Было время, когда добродетель внушала людям священный трепет. Никто и думать не смел посягать на нее. Ныне же наша молодежь до того распустилась, что ни одна женщина, кроме уличной, не смеет показаться на улице.

Изабелла. И, однако, милый брат, наши законы не менее суровы, чем в других государствах, и соблюдаются с неменьшею строгостью.

Уорти. О, если б это было так! Но увы, колесница правосудия слишком часто застрекает в золотом песке, который не дает ее колесам вращаться. Само богатство, вместо того чтобы служить уликой против несправедного стяжателя, приводит к обвинению невинного. Золото успешнее стали может перерезать петлю, закинутую на шею преступника.

Изабелла. Что до меня, я буду впредь остерегаться выходить на улицу, когда стемнеет. Солнце, оказывается, лучшая защита для женщин. Что бы там ни говорили про девственность луны, ей нет дела до нашего целомудрия.

Уорти. Неужто этот негодяй нанес тебе оскорбление?

Изабелла. Он оскорбил бы меня гораздо сильнее, если бы ему не помешали. В ту минуту я отдала бы все свое добро, все богатство, лишь бы только очутиться здесь в безопасности. Ну, да пора и забыть этот случай, - слава богу, все обошлось.

Уорти. Забыть? Ни за что! Клянусь небом, я потрясен до глубины души! Мы гордимся самым лучшим законодательством в мире, и все же наши законы не могут служить правосудию из-за подлости тех, кто должен наблюдать за их исполнением. Я мечтаю дожить до того времени, когда у нас, как в Голландии, пешеход будет спокойно шагать по всем улицам и безбоязненно держать при себе свой кошелек.

ЯВЛЕНИЕ 6

Уорти, Изабелла, Скуизем.

Скуизем. Мистер Уорти, - ваш покорный слуга. Я пришел побеспокоить вас... случилось удивительное происшествие. Хорошие времена, нечего сказать, когда сами судьи не могут считать себя в безопасности! Как же мы можем охранять других, если не в состоянии защитить самих себя?

Уорти. Чем вы так взволнованы, мистер Скуизем?

Скуизем. Чем? У меня едва хватит силы рассказать вам об этом. Сударь, я открыл коварнейший заговор, равного которому не знает история со времен Порохового заговора*.

Уорти. Не против правительства, надеюсь?!

Скуизем. В том-то и дело, что против правительства! Ибо всякий заговор, направленный против лица, находящегося на правительственной службе, есть тем самым заговор против правительства. Короче говоря, сударь, этот заговор был направлен против меня, против моей собственной персоны. Вы только послушайте, коллега Уорти: публичная женщина, подстрекаемая самим сатаной, обвиняет меня ни больше ни меньше как в совершении насилия над нею и намерена подкрепить свое чудовищное измышление присягой.

Уорти. Вас обвинить в совершении насилия? Безумная женщина! Стоит только взглянуть на вас, чтобы увидеть, что вы не способны на такое злодейство. Ваша наружность,

коллега Скуизем, так и пышет невинностью.

Скуизем. Сударь, я полагаю, что моей репутации достаточно, чтобы опровергнуть подобный поклеп.

Уорти. Надо надеяться. Было бы весьма прискорбно, если бы лицо, занимающее такую почетную должность, не было в состоянии опираться на свое незапятнанное доброе имя.

Скуизем. Совершенно верно. Подобные оскорбления бросают тень на всех нас. Обвинение одного из членов корпорации равносильно обвинению всей корпорации. В этом смысле мы должны брать пример с адвокатов - они стоят горой друг за дружку. Надеюсь, коллега Уорти, вы отнесетесь к моему делу с особым доброжелательством. Уверяю вас, что, если мне когда-либо доведется разбирать ваше дело, вы можете смело рассчитывать и на мое снисхождение к вам.

Уорти. Снисхождение, сударь? Надеюсь, что я никогда не буду нуждаться в чем-либо снисхождении. Уверяю вас, что мой суд будет полностью беспристрастен. Да я полагаю, что иного суда вам и не нужно.

Скуизем. Разумеется, сударь, лично я не нуждаюсь в пристрастном суде. Однако мне кажется, что наш общий долг опровергать любые обвинения, выдвигаемые против любого из нас.

Уорти. Опровергать их своей праведной жизнью - дело похвальное. Иных опровержений быть не может. Плох закон, если он освобождает самого законодателя или блюстителя правосудия от ответственности.

Скуизем. А я полагаю, коллега Уорти, что законодателям, равно как и блюстителям правосудия, должно делать поблажки. Пользуются же сочинители и актеры правом бесплатного посещения театра.

Уорти. Это просто смешно, мистер Скуизем! Позвольте лишь высказать вам мое глубочайшее убеждение: отъявленным негодяем является тот, кто держит в руках меч правосудия, а сам заслуживает, чтобы этот меч поразил его.

Скуизем. Позвольте, коллега Уорти, и мне высказать вам мое глубочайшее убеждение: тот, кто держит в руках меч правосудия и сам ранит себя этим мечом, - просто-напросто дурак!

Изабелла. Пожалуй, я пойду, милый братец. Мое присутствие едва ли необходимо при разборе этого судебного дела.

ЯВЛЕНИЕ 7

Уорти, Скуизем, Констант, Хиларет, Стафф, Сотмор,
Брейзенкорт, Файербол, три помощника констебля.

Скуизем. Вот и мои арестанты!.. Вот, коллега Уорти, женщина, которую я обвиняю в гнуснейшем поступке. Дело было так: я получил письмо, написанное незнакомой рукой. В нем меня просили прийти в определенный час в одну харчевню. Руководимый единственно чувством сострадания, я откликнулся на просьбу и пошел в назначенное место. Там я застал эту женщину. Она была одна. Обменявшись со мной несколькими словами, она с громким криком бросилась на меня. На ее крик явился этот человек. Оба приступили ко мне с угрозами, требуя немедленного освобождения вот этого человека (указывая на Константа), а также еще одного, которого я задержал за особенно гнусные противозаконные действия. В случае моего отказа женщина грозила присягнуть, что я обесчестил ее. Сударь, то, что я рассказал, - сущая правда, и я готов повторить свои показания под присягой.

1-й помощник констебля |

2-й помощник констебля } (хором). И мы

3-й помощник констебля | готовы присягнуть!

Уорти. Женщина, что вы имеете сказать в свое оправдание? Судя по вашей наружности, я никак не подумал бы, что вы способны на такие дела.

Хиларет. В том, что я грозила ему, я готова признаться.

Уорти. Правда ли, что он пытался обесчестить вас?

Хиларет. Это не совсем так, но...

Скуизем. Видите, видите, коллега Уорти! Вам остается только подписать приказ об ее аресте.

Уорти. С какой же целью вы угрожали ему?

Хиларет. Я хотела припугнуть его, чтобы добиться освобождения двух джентльменов, которых он задержал незаконно.

Уорти. Мистер констебль, в чем обвиняются эти джентльмены?

Стафф. Два насилия, ваша милость.

Хиларет. Одного из этих джентльменов обвиняют в покушении на меня, хотя я и не думала обвинять его в этом.

Уорти. В покушении на вас? Я начинаю бояться, что его и в самом деле напрасно обвинили.

Скуизем. А вот погодите: сейчас мы исследуем ее темное прошлое. Позовите сюда мистера Брейзенкорта! Что вы можете сказать нам об этой прекрасной леди, мистер Брейзенкорт?

Брейзенкорт. О ней-то? Я содержал ее в течение шести месяцев...

Уорти. Содержали ее? В качестве кого же вы ее содержали?

Брейзенкорт. В качестве содержанки, сударь. Мне, однако, пришлось ее выгнать: она украла у меня четыре рубашки, две пары чулок и молитвенник.

Скуизем. Позовите капитана Файербола!

Уорти. Скажите, капитан, вам известно что-нибудь дурное об этой особе?

Файербол. Известно ли мне? Спросите моего врача, он вам окажет. Она поступила ко мне после того, как ушла от майора Брейзенкорта. Я ее содержал в течение двух месяцев.

Хиларет. Сударь, выслушайте меня, молю вас!

Уорти. Все в свое время. Вы не должны прерывать показаний. Продолжайте, капитан... Вы тоже потеряли что-нибудь благодаря этой особе?

Файербол. Потерять не потерял, а вот кое-что приобрел от нее, - это так же точно, как то, что мой врач кое-что приобрел у меня благодаря ее подарочку... Я люблю выразаться деликатно, без грубостей. Ну, я надеюсь, вы меня понимаете...

Констант. Проклятье!

Скуизем. Позовите-ка сюда мистера Дрюри! Он тоже может пролить свет на ее прошлое.

Уорти. Все ясно и так. Отныне я даю зарок не доверяться невинному личику... Женщина, что вы можете сказать в свое оправдание?

Хиларет. Ах, только бы мне навеки схоронить себя от людей, спрятаться от солнечного света!

Уорти. Нет, сударыня, вам не удастся спрятаться ни от людей, ни от солнца.

Констант. Иди сюда, прильни к моей груди, мой ангел, моя любовь, моя милая! Спрячь свое горе у меня на груди... Только смерть оторвет тебя от меня! Что смерть? Все пытки ада ничто по сравнению с той пыткой, какую причиняют мне твои слезы!

Сотмор. Послушай, судья, ты, верно, почестней своего собрата бесчестней его ведь быть нельзя, - если ты хочешь поступить справедливо, оправдай нас, а этого мерзавца посади за решетку.

ЯВЛЕНИЕ 8

Уорти, Скуизем, Констант, Хиларет, Сотмор, Стафф, констебль, помощники констебля. Политик. Фейсфул, Клорис.

Фейсфул. Ну, сударь, теперь вы можете убедиться своими глазами... Не ваша ли дочь там стоит?

Политик. Действительно, это она!.. О, мое бедное дитя!..

Уорти. Мистер Политик, - ваш слуга?.. Мне только нужно тут покончить с одним делом - отправить эту женщину в тюрьму, и я весь к вашим услугам.

Политик. Хороши ваши услуги, сударь, - отправлять мою единственную дочь в

тюрьму! Да вы хуже самого отъявленного турка!

Уорти. Вашу дочь, сударь?

Политик. Да, сударь, мою дочь, сударь!

Хиларет. Отец!

Политик. Мое бедное дитя!.. Думал ли я дожить до такого несчастья!

Уорти. - Возможно ли, мистер Политик, чтобы эта молодая особа была вашей дочерью?

Политик. Это так же возможно, сударь, как то, что турки могут оказаться в наших краях, в Европе, а это, увы, даже слишком возможно!

ЯВЛЕНИЕ 9

Уорти, Скуизем, Констант, Хиларет, Стафф, констебль,
помощники констебля, Политик, Фейсфул, Сотмор,
Клорис, Рембл, миссис Скуизем, Куилл.

Миссис Скуизем. Где эта звезда правосудия, где этот доблестный блюститель закона? Гроза порока, бич преступлений? Знакома ли вам эта рука, сударь? Не вы ли тут назначаете кому-то свидание? Благородно, нечего сказать, добиваться свидания с дамой, а потом тянуть ее в суд!

Скуизем. О, моя злосчастная судьба!

Уорти. В чем дело, миссис Скуизем?

Миссис Скуизем. Ах, мистер Уорти, у вас я, верно, найду сочувствие! Я имею несчастье быть женой человека, который столь же позорит свое высокое звание, сколь вы украшаете это звание своей добродетелью. Совесть не позволяет мне дольше скрывать от людей его плутни, и без того она слишком долго дремала. Он, сударь, он один виноват, а все, кого он обвиняет, невинны.

Уорти. Я, право, не знаю, что и подумать!

Рембл. Сударь, этот человек, этот палач правосудия - величайший злодей, какой только существует на свете... Вчера вечером я был слегка навеселе и хотел полюбезничать с этой дамой. Констебль схватил нас обоих. И вот из-за меня она терпит такие унижения и горести. Впрочем, и мистер констебль тоже виноват перед нею, так как не пожелал отпустить нас, несмотря на просьбу этой дамы.

Миссис Скуизем. Виноват также и мистер судья, который распорядился о вашем аресте, не имея не только улики, но и какого-либо обвинения против вас.

Рембл. И все это для того, чтобы выманить у нас двести фунтов. За эту сумму он обещал отпустить нас на волю.

Скуизем. Послушайте, вы, сударыня! Как бы мне не пришлось отправить вас в сумасшедший дом!

Миссис Скуизем. Нет, сударь, я и здесь сорву все ваши планы. Весь свет узнает, как вы подговаривали мистера Куилла устроить развод со мною... Вы развод получите, не беспокойтесь, да только не такой, о каком вы мечтали.

Скуизем. Сударь, не слушайте больше никого, умоляю вас!

Уорти. Нет уж, сударь, позвольте!

Рембл. Сударь, будьте добры, прочтите это письмо. Он писал его этой молодой даме, которую теперь обвиняет.

Уорти (читает). "Розанчик мой! Моя дорогая малютка! Жду тебя в "Орле" через полчаса. Надеюсь, что после моего сегодняшнего подарка ты не захочешь обмануть преданного тебе отныне и на веки веков". Вы - автор этого письма, мистер Скуизем?

Скуизем. Нет, сударь, готов присягнуть!

Миссис Скуизем. А я, сударь, присягну, что это его рука.

Фейсфул. Я тоже... я у них служил целый год и отлично знаю его почерк.

Куилл. А я сам относил его письмецо к этой даме.

Сотмор. Ну что же, судья, неужели тебе и сейчас не ясно, что она ни в чем не виновата? Даю тебе слово честного человека, - а оно стоит клятвы двадцати таких негодяев, как эти молодчики, - что она только хотела припугнуть судью и заставить его освободить ни в чем

не повинного капитана Константа...

Констант. ...которого судья предлагал отпустить за известную взятку.

Уорти. Капитан Константин! Сударь, ваше имя - Константин?

Констант. К вашим услугам, сударь.

Уорти. Пригласите, пожалуйста, сюда мою сестру. Вы и представления не имеете, как я обязан вам!

Скуизем. Сударь, вы понапрасну тратите время. Выписывайте ордер на ее арест, и дело с концом.

ЯВЛЕНИЕ 10

Уорти, Скуизем, Рембл, Константин, Сотмор, Хиларет, Политик, миссис Скуизем, Куилл, Стафф, Фейсфул, Изабелла и другие.

Уорти. Сестра, вы знакомы с этим джентльменом?

Изабелла. Знакома ли я с капитаном Константой? К счастью, знакома... Благодарю вас, сударь, за ваше рыцарское вмешательство. Страх, овладевший мною, помешал мне выразить вам тогда же свою благодарность.

Констант. Так это были вы, сударыня?

Рембл. Моя дорогая Изабелла!

Изабелла. Боже мой! Это он, это мой Рембл!

Рембл. О, теперь я вижу, что это она, та самая, кого я уже и не надеялся встретить.

Изабелла. Какая счастливая звезда уготовила нам эту встречу?

Рембл. Теперь-то я вижу, что то была счастливая звезда. А признаться, минуту тому назад мне эта звезда казалась чертовски зловредной.

Изабелла. Как странно! Братец, велите схватить вон того человека! (Указывает на Файербола.) Это от него-то и спас меня капитан Константин.

Куилл. Будьте снисходительны ко мне, ваша милость. Я нанял этих двух лжесвидетелей по приказу хозяина.

Уорти. Неслыханное злодейство! Немедленно схватите их обоих, но прежде всего судью. До сих пор я обходился с ним, как с джентльменом, - отныне я буду обращаться с ним, как того заслуживает такой негодяй! Констебль, я поручаю вам эту банду. Отведите их вниз и дожидайтесь меня. Я сейчас спущусь за вами и подпишу приказ об аресте.

Скуизем. Сударь, вы еще раскаетесь в том, что не решили это дело в мою пользу.

Уорти. Вы меня не запугаете, сударь!

Фейсфул. Проходите, джентльмены, мы будем охранять вас.

Миссис Скуизем. А я буду следовать за тобой, как твой демон, пока правосудие не покарает тебя!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Уорти, Рембл, Константин, Сотмор, Хиларет, Изабелла, Политик.

Рембл. Дражайшая Изабелла, я в таком восторге от нашей неожиданной встречи, что даже не спрашиваю, целы ли наши сокровища. Море вернуло мне мою Изабеллу - пусть же оставит себе наши бриллианты!

Изабелла. Сударь, море оказалось щедрее, чем вы полагаете, и возвратило вам и жену и приданое.

Рембл. Я бы и не вспомнил о наших сокровищах, с меня было бы довольно и одной Изабеллы, - но ради ее счастья я приветствую спасенные драгоценности.

Уорти. Мистер Политик, я весьма сожалею, что ваша дочь подверглась таким неприятностям.

Рембл. Мистер Политик? Да, да, это его черты!.. Сударь, был у вас когда-нибудь сын?

Политик. Был, сударь, был у меня сын. Но я его выгнал из дому и думаю, что он давно повешен.

Рембл. В таком случае его дух, должно быть, спустился на землю и, принявши мой

облик, приехал сюда из Индии. После того как вы меня выгнали, сударь, я поступил на службу в Ост-Индскую компанию. Я переименовал свое имя, чтобы вы не могли меня разыскать. А теперь, отец, позвольте испросить вашего благословения. (Берет Изабеллу за руку и подводит к Политику.)

Политик. Неужто это и впрямь мой сорванец?

Рембл. Он самый, уверяю вас. Остался таким же сорванцом, каким был.

Политик. Я не могу дать своего благословения на ваш брак, пока не узнаю, удачно ли ты выбрал невесту.

Уорти. Мистер Политик, я счастлив породниться с вами. Эта дама, супруга вашего сына, - моя родная сестра. Смее надеяться, что восемьдесят тысяч приданого сделают этот брак приемлемым для вас.

Политик. Неужто этот отчаянный сорви-голова наконец разбогател, вышел в люди? Ну что ж, сын мой, благословляю тебя. И вас, дочь моя, - дай бог, чтобы вы были счастливы с ним!.. Если он окажется плохим мужем, я отрежусь от него, а если он не подарит вам наследника, я лишу его наследства.

Изабелла. О сударь, я знаю вашего сына: он не подведет.

Рембл. Отец, разрешите обратиться к вам еще с одной просьбой. Я хочу просить вас за моего друга, капитана Константа, который один мог бы составить счастье моей сестры.

Уорти. Я все еще не могу прийти в себя от всей этой мерзости! (Константу.) Сударь, я буду хлопотать о том, чтобы и вы и ваши товарищи получили компенсацию за то, что невинно пострадали. Сударь, то, что моя, сестра рассказала мне о поведении капитана Константа, позволяет мне утверждать, что, несмотря на некоторое неравенство состояний, лучшей партии для вашей дочери и пожелать нельзя.

Рембл. Тем более, сударь, что капитан Констант рискует со временем разбогатеть и сравняться в этом с моей сестрой: он ведь на редкость тонко разбирается в политике.

Политик. О, человек с такими наклонностями никогда не пропадет! И предсказать невозможно, что ждет его впереди. Если бы я раньше знал, что капитан Констант интересуется политикой, я бы никогда не закрывал перед ним дверей своего дома. Сударь, я всегда буду рад видеть вас у себя и беседовать с вами. И если вы в самом деле пожелаете со временем жениться на моей дочери - что ж, я не стану чинить препятствий.

Рембл. Зачем же откладывать, сударь? Нынче такой торжественный день! Позвольте представить вашей дочери ту, которая, я надеюсь, заслуживает называться ее сестрой.

Констант. Рембл, ты уж и так благодетельствовал меня сверх всякой меры. Но этот твой последний дар дороже мне всех сокровищ вселенной.

Хиларет. Только бы вы продолжали всегда так думать, капитан! Отец, я хочу просить, чтобы вы простили мне и бедняжке Клорис наше вчерашнее приключение. Поверьте, мы достаточно наказаны за свое легкомыслие. И уж если все приняло такой счастливый оборот, не думаете ли вы, сударь, один-единственный раз взять пример с турок и отнести к этому происшествию с той благосклонностью, с какой они относятся ко всякой удаче?

Политик. Турки? Пора тебе судить о них не только по романам. Надеюсь, что капитан развеет твое невежество в области политики... (Ремблу.) Мне, однако, не терпится обсудить с тобой положение дел в обеих Индиях, Джек, и возможности торговли с ними... Надеюсь, ты оставил Великого Могола в добром здоровье?

Рембл. Сударь, когда я уезжал, он жаловался на легкий насморк.

Политик. Ну что ж, от души прощаю вас всех. Обнимите же друг друга, дети!.. Вот они, утехи старости, мистер Уорти!

Сотмор. Дайте-ка я вас всех обниму на радостях... Сегодня я впервые встретил двух добродетельных женщин... и они достались моим друзьям... Я нынче напьюсь, как никогда в жизни... Пока вы будете наслаждаться вашим счастьем, я буду пить за него... Выбудете вкушать дары Венеры, а я запивать их нектаром Вакха... Конечно, я не рассчитываю на ваше общество в ближайший месяц, друзья... А уж судьбе придется прогулять эту ночь со мной... Идем же, честный судья!.. Ведь вот какая редкая удача: мне удалось даже набрести на

честного судью!..

Уорти. Полноте, сударь! Вы, мне кажется, и так достаточно праздновали сегодня...

Сотмор. Что вы, сударь, что вы!.. Эй, послушайте, сударь, вам ведь тоже предстоит сегодня ночью напиться на свадьбе ваших детей.

Политик. Сударь, я не пью ничего, кроме кофея.

Сотмор. Черт бы побрал ваш кофей!..

Рембл. Стой, Сотмор, мы воздадим тебе должное... Поверьте, мистер Уорти, что, несмотря на его пристрастие к вину, свет не видывал более честного малого.

Уорти. Тем более прискорбно, что он так губит себя. Ваши слова побуждают меня заняться им и употребить все свое влияние на то, чтобы отучить его от этих низменных наслаждений. Джентльмены, прошу вас пожаловать ко мне завтра, чтобы отпраздновать радостный день. Я со своей стороны приму все меры, чтобы вознаградить вас за перенесенные вами обиды, а злодея всенародно наказать. Ибо судья, нарушая законы, тем самым поощряет преступников.

Нет уваженья там ни к алтарям, ни к тронам,

Где судьи и попы глумятся над законом.

Конец

ЭПИЛОГ

Нас разлучило ветром и волной,

Но здесь опять мы встретились с женой.

Был в море шторм, на суше - суматоха,

И все же пьеса кончилась не плохо.

Но дамы хмуры - я их рассердил.

Не тем ли, что Насилье осудил,

Направив к этой цели все усилия?

Иль тем, что вовсе не было насилья?

Поэт, в угоду веку своему,

На сцене вывел ужасы. К чему?

И без того у нас любая дама

Насилью - враг, хоть, если молвить прямо,

Она лишь при свидетелях упряма.

Пускай поэт кой-что и сочинил,

Каков, однако, франтов наших пыл!

Ведь если бы со всей их страшной силой

Повел Дон Карлос их на Рим постылый,

Они, землей священной овладев,

Для папы не оставили бы дев.

В святилище папессы Иоанны *

Открыли б вход нечистому буяны,

Монашки натерпелись бы обид,

И, как рожден, так был бы Рим убит.

Лукреция *, верна слепой доктрине,

Пошла на смерть, хоть наблудил Тарквиний,

Нелепая языческая месть!

"Держись за жизнь, коль потеряла честь!"

Так христианка мыслит благонравно.

И будет жить, хоть жаждет смерти явно.

Но пусть прекрасных зрительниц моих

Судьба хранит от происков мужских,

Пусть от насилья - помощи им боже!

Их оградит супружеское ложе {*}.

{* Перевод В. Левика.}

1730

КОММЕНТАРИИ

Каули Абраам (1618-1667) - английский поэт, предшественник классицизма; выступал с сатирой на пуритан.

Флери Андре Геркюл (1653-1743) - французский кардинал, воспитатель Людовика XV, с 1726 года и до смерти был первым министром и фактическим руководителем всей внешней и внутренней политики Франции.

Дон Карлос (1716-1788) - сын испанского короля Филиппа V, претендовавший на испанские владения в Италии, перешедшие по Утрехтскому миру (1713) австрийским Габсбургам.

"Великий Кир" (1649-1653) - десятитомный роман французской аристократической салонной писательницы Мадлены Скюдери (1607-1701).

...во время осады Гибралтара. - Испанская крепость Гибралтар в 1704 году была занята англичанами и по Утрехтскому миру перешла Англии. Однако в 1720 и 1726 годах Испания предпринимала попытки вернуть крепость. После того как они кончились неудачей, Испания Севильским трактатом 1729 года подтвердила свой отказ от Гибралтара. Тем не менее борьба за Гибралтар продолжалась в течение почти всего XVIII века.

Ост-Индия (Восточная Индия) - в XVIII веке общее название для Индостана, Индо-Китая и Малайского архипелага.

...самого императора. - Речь идет о германском императоре Карле VI (1685-1740) (годы правления 1711-1740).

...венгерской кампанией пахнет. - Имеются в виду военные действия на территории Венгрии в период австро-турецкой войны 1716-1718 годов.

Проливы - Па-де-Кале и Ламанш.

...депеша с известиями о смерти дофина. - Дофин - титул наследника французского престола. Вопросы престолонаследия играли в международной политике XVIII века очень значительную роль и не раз давали повод к войнам, ввиду родственных связей между различными королевскими домами, претендовавшими на престол.

Марк Антоний... отдал весь мир за женщину. - Намек на известный исторический эпизод: любовь древнеримского политического деятеля, сподвижника Юлия Цезаря, Марка Антония (ок. 8331 гг. до н. э.) к египетской царице Клеопатре заставила его во время решительного сражения с войсками римского сената оставить свою армию.

Силен (греч. миф.) - воспитатель бога вина - Вакха и его неизменный спутник; старый, веселый, вечно пьяный сатир.

Великий Могол - так в Европе называли мусульманских императоров Индии. (Могол - испорченное "монгол".)

Олд Бейли - центральный уголовный суд Лондона и графства Миддлсекс.

Хикс-холл - здание, где происходили сессии (ассизы) лондонских мировых судов.

Темпль - группа зданий, где находилась корпорация юристов. Молодые люди, желавшие получить юридическое образование, поступали в эту корпорацию в качестве учеников.

Фартинг - английская мелкая монета.

Ост-Индская компания - Британская Ост-Индская компания; была организована в 1600 году для торговли с Индией. В XVIII веке она фактически захватила страну. Компания держала собственные вооруженные силы и пользовалась в Индии всей полнотой власти. Управление Индией было передано английскому правительству лишь во второй половине XIX века.

...все золото, что мы выкачиваем из одной Индии, мы ухлопываем на глиняные безделушки... из другой. - Имеются в виду Вест-Индия (Куба, Ямайка и прилегающие Большие и Малые Антильские острова в Карибском море) и Ост-Индия (см. примечание к стр. 8).

...поставить эту даму к позорному столбу. - По законам того времени уличенных в

лжесвидетельстве ставили к позорному столбу.

...на месте королевского судьи. - Королевский судья - член одной из коллегий высшего, так называемого суда королевской скамьи. Мировой судья не имел права сам вынести приговор по важному делу. Он мог либо освободить арестованного, либо передать дело в вышестоящий суд.

Содом и Гоморра - по библейскому преданию, города в Палестине, уничтоженные богом за разврат жителей.

...в красном кафтане. - Красный кафтан составлял принадлежность военной формы.

Троя, когда ее взяли, была погружена в сон. - Согласно греческому преданию о Троянской войне, воины Агамемнона проникли в Трою в большом деревянном коне и ночью овладели городом.

Ага - титул высших сановников и военачальников в старой Турции.

...на водах в Бате. - В Бате находился модный курорт с серными источниками.

...принцесса Микомикона заводит своего избавителя в клетку. - Намек на сцену из романа Сервантеса "Дон Кихот". Священник и цирюльник уговорили крестьянскую девушку Доротею выдать себя за принцессу Микомикону, с тем чтобы заманить Дон Кихота домой, куда он и был доставлен в клетке.

Сент-Джемс - здесь: аристократический район вблизи от королевского дворца, носившего то же название.

Вестминстер-холл - дворец в Лондоне, где одновременно помещались парламент и суды высшей инстанции. На это обстоятельство и намекается в тексте.

...где виски служит Ипокреной... - Ипокрена (иначе: Гипокрена) источник в Греции, посвященный музам. Влага этого источника, по верованиям древних греков, вдохновляла поэтов.

...в ларце Пандоры. - По греческой мифологии, Зевс создал из земли и воды женщину по имени Пандора и послал ее на землю, дав ей в приданое ящик, заключавший всевозможные несчастья. Когда Пандора вышла замуж и ящик был открыт, несчастья распространились по земле.

Пороховой заговор - католический заговор в Лондоне, целью которого было взорвать парламент в день его открытия королем Иаковом I (8 ноября 1605 г.).

В святилище папессы Иоанны - то есть в Рим, резиденцию пап, славившихся своим развратом. Папесса Иоанна занимала в течение двух лет (855-856) папский престол, выдавая себя за мужчину. Согласно преданию, разрешилась от бремени во время одной процессии.

Лукреция. - Патрицианка Лукреция, обесчещенная царем Секстом Тарквинием, лишила себя жизни. Событие это относят к 510 году до н. э.